

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПАМЯТЬ

**ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 годы**

ТОМ 2

Донецк
Юго-Восток
2009

ББК ТЗ(2)622.013

П159

Редакционная коллегия

Подмарков В. И. — председатель профкома работников, доцент;

Медведкина Т. А. — старший преподаватель кафедры
лингводидактики;

Гнеденко Л. В. — заместитель председателя Совета ветеранов
ДонНУ.

Ответственный за выпуск

Подмарков В. И.

Память : воспоминания участников Великой Отечественной
П159 войны 1941–1945 годы : в 2 т. — Т. 2. / ред. кол. В. И. Подмар-
ков и др. ; вступ. стат. В.П. Шевченко, В.И. Подмарков. — До-
нецк : Юго-Восток, 2009. — 106 с.

В сборник, посвященный 64-годовщине Победы, вошли вос-
поминания участников Великой Отечественной войны, членов
ветеранской организации Донецкого национального университе-
та. В нем рассказывается о трудных годах войны, которые выпали
на долю людей, оказавшихся на оккупированной фашистами тер-
ритории, угнанных в Германию или трудившихся в тылу, об их ге-
роическом подвиге на трудовом фронте.

ББК ТЗ(2)622.013

© Коллектив авторов, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Защищать Отечество всегда считалось мужским долгом. Однако, наша история полна примеров, когда все население страны, от мала до велика, самоотверженно вставало на защиту Родины, обеспечивая мощное сопротивление и в открытом бою с врагами, и в тылу.

Великая Отечественная война яркий тому пример. В ее страницы вписаны миллионы разбитых судеб, в ее анналах хранится память о самых страшных преступлениях против человека. Но мы знаем, что все испытания наши люди выдержали с честью.

Каждый подвиг – это достояние участников военных событий, отраженных усталостью в их глазах и натруженных душах. Их жизни – это целая вечность в истории. А то-

гда, у каждого из них был только миг...

Минуло уже 64 года со Дня Великой Победы.

Книги, статьи, выставки... много посвящено этой дате, но источник живой памяти неисчерпаем. Главные летописцы – участники ВОВ. В книге «Память» лишь крупинки из потока воспоминаний, но они бесценны. Бесценны настолько, насколько бесценны жизни людей, познавших войну. Она явилась суровым испытанием для всех и, в не меньшей степени, для тружеников тыла. Их самоотверженность – главный осто́в Победы. Красная Армия регулярно получала из тыла оружие, боевую технику, боеприпасы, довольствие и обмундирование... А солдаты чувствовали непомерную моральную поддержку тех, кто ждал их Дома. В этом единстве – великий победоносный Дух. И сегодня крайне важно обеспечить и воссоздать духовное единство поколений, помнить и свято чтить память о каждом героическом подвиге. Свою лепту в дело Победы над фашизмом внесли сотрудники и студенты Сталинского пединститута. Многие из них погибли на полях сражений – вечная им память!

В предложенном Вам сборнике представлены воспоминания участников Великой Отечественной войны – сотрудников Донецкого национального университета. Их повествование о пережитом, их свидетельства о том, как это было изложены в книге, которую вы держите в руках. Это еще один благородный подвиг – снова и снова углубляться в воспоминания, оживлять в памяти болезненно пережитые события. Листая страницы, читая абзац за абзацем, мы словно извлекаем из сокровищницы человеческой памяти самые драгоценные ее фрагменты, значимость которых – безмерна.

***Ректор Донецкого национального университета,
академик НАН Украины, Герой Украины Шевченко В.П.***

Уважаемый читатель!

Перед вами второй сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, в разное время работавших в Донецком национальном университете, который назван «Память-2». Если в первой книге были помещены воспоминания участников боевых действий времен Великой Отечественной войны 1941-1945г.г., то во второй книге Вашему вниманию предлагаются свидетельства людей, испытавших военное лихолетье в тылу, на оккупированной фашистами территории, в фашистском изгнании на территории Германии.

Разные по объему, манере изложения, стилю эти повествования, тем не менее, рисуют достаточно полную картину происходящего за кулисами военных действий в те страшные годы, передают настроение людей, испытывавших в тылу не меньшие тяготы, чем солдаты на фронте, а в оккупации подвергавшихся неслыханным физическим и моральным надругательствам.

Воспоминания тем более проникновенны, что они в большинстве своем преломляются через юношеское и детское восприятие участников тех событий. Было то им десять-семнадцать лет.

Каким нужно было обладать запасом моральной силы, веры в своих родных, в свою Родину и взрастившее их государство, чтобы вынести все тяготы войны, а потом невероятно напряженного периода послевоенного восстановления. Прочитав книгу, несложно понять утверждение о том, что они «поколение победителей». Несгибаемой верой и тяжелейшим трудом они завоевали себе право на такое звание.

Память – самое ценное, что есть у любого народа, поэтому не будем забывать тех, кто не позволил себя поработить, кто сохранил свою честь и достоинство, сохранил свою землю.

Хвала им на долгие годы и низкий поклон!

Председатель профкома работников ДонНУ Подмарков В.И.

Чествование ветеранов Донецкого национального университета

Хлеб - соль ветеранам.

**Памятник преподавателям и студентам
Донецкого национального университета, погибшим в
годы Великой Отечественной войны.**

КУРДЮМОВА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА

Родилась 2 мая 1909 г. в городе Дмитровске Орловской губернии в семье служащего.

На фронте трудовом

I

Трудными были годы моего детства. В 1912 г. после тяжелой болезни умер отец, осталась моя мама с тремя маленькими детьми. Много горя ожидало впереди нашу осиротевшую семью.

Через два года началась, продолжавшаяся 4 года, первая мировая

империалистическая война с её неизменными спутниками: разрухой, голодом, народными страданиями.

Затем более трёх лет полыхала в нашей стране гражданская война. Красная Армия защищала рождённую в 1917 году Советскую власть от внутренней и внешней контрреволюции – интервенции четырнадцати империалистических государств.

И только после этой войны, завершившейся победой Советского государства, началась в моей нелёгкой жизни счастливая пора – пионерское детство и комсомольская юность с их жаждой знаний, чистыми побуждениями, добрыми делами и высокими идеалами.

Окончив в 1927 г. среднюю школу с педагогическим уклоном, я работала в Дмитровском районе сельской учительницей. Училась в Москве в Педагогическом институте, по окончании которого получила направление в Восточную Сибирь, в город Улан-Удэ (тогда Верхнеудинск) – центр Бурятской АССР. Там в фабрично-заводском училище, в течение трёх лет преподавала историю, русский язык и литературу, заведовала вечерней школой рабочей молодёжи. Пять лет после этого проработала в Чите преподавателем в школе военных техников.

Там я стала членом Коммунистической Партии. Некоторое время работала заместителем начальника школы по политчасти.

В июне 1940 г. по семейным обстоятельствам я уехала из Сибири на Украину.

II

Шел четвёртый месяц Великой Отечественной войны. Фронт приближался к Донбассу. Вражеские самолёты днём и ночью бороздили донецкое небо, сбрасывая на землю свой смертоносный груз. В начале октября на станции Славянск, где я жила в то время со своей семьёй и работала пре-

подавателем истории в железнодорожном техникуме, взрывом бомбы были повреждены здания, в том числе наш учебный корпус и некоторые квартиры преподавателей. На следующий день был получен приказ об эвакуации техникума. В четырех вагонах – теплушках поместились уезжающие педагоги и сотрудники, а также были размещены станки из механических мастерских, приборы из учебных кабинетов и библиотека.

Долгим и трудным был наш путь на восток. Только седьмого ноября прибыли мы в пункт назначения – город Алатырь, районный центр Чувашской АССР. В вагоне провели торжественное собрание, посвященное 24-ой годовщине Великой Октябрьской революции, разгрузили оборудование и поселились в общежитии Алатырского железнодорожного техникума.

С того дня в нашей жизни открылась новая страница. Вдали от фронта боевых действий мы жили и боролись тоже на фронте – трудовом. Работы было много. В техникуме я вела уроки истории, читала лекции для педагогов и сотрудников, проводила воспитательную работу среди учащихся.

В механических мастерских, где были установлены привезенные нами станки, я научилась токарному делу и вместе с рабочими цеха выполняла заказы, нужные для фронта и тыла.

Немало времени уходило на многообразную общественную работу. По поручению горкома компартии я руководила городским семинаром агитаторов, читала лекции на фабриках и заводах, на станции и в клубе. Помогала людям стойко переносить лишения и трудности военного времени, не падать духом, не поддаваться унынию, верить в нашу победу. Это было очень важно, тем более, что среди жителей города и района активно действовали наши классовые враги. Они сеяли панические слухи, клеветали на коммунистов, вредили, как только могли, с нетерпением и надеждой ожидали победу фашистской армии под Сталинградом, где наши войска вели в то время тяжелые бои.

В Алатыре, расположенном на берегу реки Суры, притоке Волги, развернулись работы по укреплению берегов, созданию препятствий для вражеских войск. Участвовали в этой трудной работе и мы - коллектив техникума.

Но немцы сюда не пришли. Не пустила их Красная Армия за Волгу. Перейдя 17-го ноября 1942 года в наступление под Сталинградом, она разгромила вражескую армию, уничтожив около 60-ти дивизий.

Это был переломный момент в ходе Великой Отечественной войны. В ожесточенных боях продвигалась наша героическая армия, освобождая советскую Родину от фашистских захватчиков.

Мне была поручена в это время работа в политотделе Алатырского отделения Казанской железной дороги. Надо было успевать со всеми делами: и в городе, и на станции, где я стала заведовать парткабинетом и была избрана секретарем партийной организации. Парткабинет стал одним из основных центров идеологической работы. Здесь проводилась политучеба, семинары агитаторов, читались лекции. Много людей приходило сюда прослушать сообщения Советского Информбюро. С радостью узнавали мы

о победах на фронте. В сентябре 1943 года был освобожден Донбасс, шестого ноября штурмом взят Киев. С востока на запад шли теперь эшелоны не только с войсками и военной техникой, но и оборудованием для освобожденных городов и районов. Тысячи людей возвращались из эвакуации в родные места.

В феврале 1944-го года пришел нам вызов из Славянска.

Перед отъездом мне была вручена Почетная грамота Президиума Верховного Совета Чувашской республики.

Трудным и долгим был наш путь домой. Ехали около месяца по израненной войною стране, мимо лежащих в развалинах городов, станций, деревень. Шестого марта мы прибыли в Славянск.

И снова трудовой фронт. Кроме уроков в техникуме, было много общественной работы и на станции, и в городе, где я вскоре стала работать лектором горкома компартии и преподавателем в учительском институте. Немало времени уходило и на физический труд – восстановление учебного корпуса института, до основания разрушенного фашистскими варварами. Нелегко нам было в это время жить, трудно работать, но мы чувствовали себя счастливыми: близился конец войны – и он наступил.

Девятого мая 1945 года мы праздновали День Победы – великий незабываемый день.

За свою деятельность в тяжелые годы войны я была награждена Президиумом Верховного Совета СССР Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.».

III

После войны с 1946г. я работала в Славянском учительском институте зав. кафедрой марксизма-ленинизма. В 1950 г. в Академии общественных наук в Москве защитила кандидатскую диссертацию, получив ученую степень кандидата исторических наук. В 1953 г. была назначена заведующей такой же кафедрой в Донецком (тогда Сталинском) пединституте, а затем работала в Донецком государственном университете доцентом и зав. кафедрой научного коммунизма.

Педагогическая деятельность была моим призванием. Она давала мне глубокое моральное удовлетворение, делала мою жизнь счастливой.

За свой труд я была награждена медалями и орденами:

Орденом «Знак Почета» и орденом «Трудового Красного Знамени».

ЦЫГАНЕНКО ГАЛИНА ПАВЛОВНА

Родилась 7 сентября 1919 г. в п. Терны Недригайловского района Сумской области, в семье крестьянина.

Отец мой Цыганенко Павел Иванович был призван в Красную Армию и погиб в боях с белогвардейцами в 1920 году.

Великая Отечественная война застала меня на 2-м курсе филологического факультета Харьковского университета. Мы, все студентки филологического факультета, прошли медподготовку и были медсестрами запа-

са. Кстати сказать, в финскую кампанию во внеучебное время, я (все мы) работала в госпитале, ухаживала за ранеными солдатами.

В июне 1941г. я в составе группы студенток была мобилизована на рытье окопов под Харьковом (район тракторного завода). Там нас застали немцы.

Из голодного и обстреливаемого Харькова отправилась на родину – в Сумскую область пешком, обходя опасные места. Местные жители помогали, указывали направление, пускали на ночлег и чем могли кормили.

Не все удалось обойти, пришлось видеть, выставленных немцами на показ, расстрелянных партизан (в Ахтырке): три мужчины и женщина.

Нигде не работала, помогала по хозяйству у приютивших меня родственников. Научилась обрабатывать огород, доить корову, косить траву, даже молотить в два цепа.

В августе 1943г. Сумская область была освобождена от фашистских захватчиков.

Как только фронт прошел через с. Камышанку, мы, молодежь села и родители учеников, буквально бросились восстанавливать школу – одноэтажное здание, превращенное немцами в конюшню. Подвозили к ней песок, глину, чистили, мыли, штукатурили, белили, красили.

С какой радостью, старанием и напряжением сил мы это делали – словами и не передать.

В сентябре школа приняла учащихся.

Мне достался 2-й класс. Дети – прелесть: послушные, доверчивые, любознательные. Но, естественно, не все. Надо было изощряться в педагогических действиях. Ярким примером в моей памяти остался такой случай. Один мальчик постоянно опаздывал, не выполнял домашних заданий, на уроках был пассивен. Я была уверена, что учитель, особенно младших

классов, должен работать в гармонии с родителями. Решила пойти к его матери (отец на фронте). Собиралась, конечно, жаловаться на мальчика, а вышло иначе.

Вот передо мною его мама: нестарая, но неухоженная женщина, худая, уставшая, плохо одетая, с напряженным недобрым взглядом, чем-то удрученная.

Произношу: – Хочу поговорить с Вами о вашем Пете.

Она неприязненно, даже сердито (мол, не приставайте ко мне!): – Не звертайте на нього уваги. Він під Христом (когда его крестили) упісявся. З нього діла всерівно не буде.

У меня в голове: – О Боже, какая рутина! Говорю ей: – Ну, что Вы! Я как раз пришла сказать Вам, какой он у Вас хороший: рослый, красивый, сильный. Он же Вам во всем помогает. Умный: вчера в классе решали задачи, он поднимал руку. У нее глаза светлеют. Она улыбается и плачет. Сквозь слезы: – Спасибі, спасибі.

– Из него, – говорю, – будет прекрасный мужчина, но сейчас ему надо помочь. – Як? Скажіть тільки. – Думаю, что это будет под силу Вам: не нагружайте его дома ничем, пока он не сделает уроки. И, если можно, не заставляйте его по утрам отгонять корову в стадо. – Добре, добре! Спасибі Вам.

В конце сентября – бумага из района. Сообщают, что в с. Ольшана (3 км от Камышанки) начинает работать десятилетка. И меня, окончившую два курса филологического факультета Харьковского университета, берут для работы в 8-10-х классах.

В этой школе я работала до конца учебного года, и эпизодов воспоминаний побольше. Например: в районо решили, что прежде чем зачислить в учителя, проверить грамотность претендентов (хорошая мысль!). Определили день, время и место проведения проверки по русскому и по украинскому языкам.

Уселись в классе. У меня, как филолога, слева и справа нефилологи в расчете на помощь. Вдруг вошедший представитель районо говорит:

– От диктантов освобождается Галина Павловна Цыганенко: ее документы оформлены безукоризненно. Галина Павловна, Вы свободны.

Заседание педсовета. Распределение учебной нагрузки.

Я готовилась вести уроки по русскому языку и литературе в 8-10-х классах. А здесь говорят: – У нас нет учителя и по украинскому языку и литературе. Придется взять эти уроки тоже Вам, ведь Вы филолог. Взяла. Подошли к иностранным языкам.

– Вы, какой иностранный язык изучали?

– Французский, и только два года.

– Но это уже что-то значит. И, конечно, это лучше, чем вообще ничего не давать школьникам.

Поручили. Совместно с учащимися пришлось идти от урока к уроку и, определенно, не без пользы и успехов. Кстати сказать, уже будучи в ДонГУ, я руководила научной темой по сопоставлению русского и француз-

ского языков. Моя аспирантка Н. Е. Каика успешно защитила кандидатскую диссертацию и написала «Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов», издан в 2005 г. (546 с.).

Можете себе представить мою учебную нагрузку того времени и ее ежедневное выполнение при трехкилометровом пути на работу и с работы.

А ведь в дополнение к ней было много внеурочной работы. Дополнительные занятия с отстающими, кружок выразительного чтения, подготовка литературного вечера: доклад, чтение стихов, прозы; инсценировки по произведениям писателей.

Особой гордостью были у нас стенгазеты. Выпускали их каждые два месяца. Старались делать интересными и практически важными. Помещали в них отрывки из писем фронтовиков. Сообщали о полезных делах учащихся. Большой интерес вызывал «Лингвистический уголок» с его разделами:

1) «Пиши и говори правильно», в него включали так называемые «дежурные слова», например:

русские:	украинские:
хозяин	хазяїн
ловят	ловлять
беги, бегите	біжи, біжіть

2) «Игривое (ненастоящее, шутливое, двусмысленное) толкование слов», например:

- качалка – «няня» (качает ребенка)
- свинные отбивные – «отбитые у свиней»
- баранка – «овца», «самка барана».

Школьными стенгазетами и литературным вечером интересовались не только дети, но и их родители. Связь с родителями была постоянной и гармоничной.

Нельзя не сказать также о том, что мы, учителя, жили в то время в условиях сложнейшего быта. Зарплату свою отдавали на военные нужды. В результате существовали названные по нашему району «Недригайловский танк», «Недригайловский истребитель».

Довольствовались же мы тем, что имели с огорода и домашнего хозяйства. Многие работы в этой области для меня были сносными. Но буквально удручала необходимость толочь просо, чтобы получить пшено. Сам по себе процесс физически не трудный, но длительный и нудный.

Работать в сельской школе в 1943-1944 учебном году было очень трудно, но не в меньшей мере и интересно.

И поныне не могу понять, как я всё успевала делать. Вот, что значит молодость и хорошее душевное состояние. Мы были безмерно рады свободе, успехам Красной Армии на фронте и просто возможности трудиться, т.е. быть истинно человеком.

Награды:

1. Юбилейная медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» – 1970 г.

2. Нагрудный знак «Высшая школа СССР. За отличные успехи в работе». 1937 г.

3. Звание «Заслуженный профессор Донецкого национального университета». – 2001 г.

Работаю в ДонНУ с 1946г. по настоящее время.

В 1946 г. – старший преподаватель кафедры русского языка Донецкого госпединститута.

В 1955 г. – защитила кандидатскую диссертацию.

В 1963 г. – утверждена в звании доцента.

В 1967 г. – декан филологического факультета.

В 1969 г. – доцент, зав. кафедрой русского языка.

С 1979 г. – профессор кафедры русского языка.

С 1980 г. – доктор наук.

С 1981 г. – декан филологического факультета.

С 1984 г. – зав. кафедрой русского языка, в настоящее время профессор кафедры русского языка.

ФЕЛЬДБЕРГ

КЛАВДИЯ АНТОНОВНА

Родилась в 1921 г. в г. Сталино (Донецк) в семье шахтёра.

Во время войны – студентка Саратовского сельскохозяйственного института. Родители находились в оккупированном Донбассе.

В конце 1941 г. после бомбёжки важного стратегического объекта – моста через Волгу, нас, студентов, отправили рыть окопы. Работали в сильные морозы, голодные (мы с подругой потеряли карточки на хлеб 200 г. в сутки), и нам кое-

кто из студентов выделял в обед из своей пайки по крохе хлеба. Так и трудились месяц. По городу ежедневно проходили отряды мобилизованных на фронт людей. На весь город звучала песня...

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Эта песня до сих пор в День Победы звучит у меня в ушах. Я слушаю её со слезами на глазах, так как на фронте погибли два моих брата, а муж – инвалид войны.

Ещё в моей памяти остались дети-сироты, потерявшие родителей в дни войны. Их эвакуировали из Украины в Ташкентскую область (пос. Чирчик) в детдом. Я работала там с 1942 по 1943 год воспитателем. Это были детки 3-7 лет, истощённые, больные, день и ночь зовущие родителей и часто убегающие искать родителей. Их грустные, вечно плачущие глаза, незабываемы.

Отмечая ежегодно День Победы, я вспоминаю защитников Родины, их героический патриотизм, искреннюю любовь к Родине, свои самые тяжёлые дни в годы войны, и молю Бога, чтобы в мире никогда не было войн.

Работала в Донецком государственном университете с 1963 г. по 1984 г. доцентом кафедры ботаники.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

УСОВА ЗИНАИДА ВАСИЛЬЕВНА

Родилась 9 августа 1924 г. в деревне Сидозеро Подпорожского района Ленинградской области.

Я из рабочей семьи. Отец – Гришин В.Л., мать – Гришина М.П. В тридцатые годы (когда мне было 7 лет) семья переехала жить в Карелию. Отец всю жизнь работал на железной дороге (ранее Кировская, ныне Мурманская) в службе движения, мать – домохозяйка.

До войны я окончила 8 классов средней школы №20 г. Петрозаводска.

Карелия и Северная часть Ленинградской области были оккупированы врагом. Уже в первые месяцы войны г. Петрозаводск бомбили вражеские самолеты. Нападения ждали с запада, где строились оборонительные укрепления (окопы и другие заграждения), и никак не ожидали с южной стороны. Поэтому наша семья и близкие родственники эвакуировались на родину, в деревню Пидмозеро Ленинградской области, примерно в 10-15 км от реки Свирь. А поскольку враг наступал с южной стороны, то р. Свирь являлась прифронтовой зоной. Услышав взрывы снарядов, жители деревни, в том числе и эвакуированные, вынуждены были уходить в лес, где рыли землянки и первое время спасались в них. Это было, примерно, в июле-августе 1941 года. В начале сентября мы увидели огромное зарево горящего Петрозаводска (примерно 100-120 км от нашей деревни). Наступали и занимали территории не немцы, а финские воинские части. Из фронтовой зоны они вывезли все население в г. Петрозаводск, где были определены территории для концентрационных лагерей. Причем, в концентрационных лагерях не помещались представители братских национальностей по крови: финны, карелы, вепсы и те люди, которые до войны являлись жителями города Петрозаводска. Город был условно поделен на русскую зону (это на правом берегу реки Лососинки) и центральную часть, где могли жить финны, карелы, вепсы. Установили различия в паспортах. Братьям по крови они выдали зеленого цвета паспорта, а русским и всем остальным народам (белорусам, украинцам, евреям и т.д.) розовато-красные. Были существенные различия и в норме питания. Русскоязычное население получало 1 стакан ржаной муки в сутки. Голод был страшный. Если людям удавалось найти собаку или кошку, то считалось, что им очень повезло и можно немного попитаться. Для нас и для меня лично, голод был страшнее снарядов.

Что меня, да и всех поражало, а это поняли только после войны, что

между людьми разных национальностей не было вражды. Все были проникнуты одной мечтой – ожиданием прихода нашей армии и власти, словом, мира. Ни я, ни мои близкие, друзья и родные не припомнят, чтобы были предатели, изменники, палачи. Даже в эти суровые годы была дружба, поддержка друг друга. Пережив суровую зиму 1941-1942 гг., когда можно было увидеть штабеля трупов, появились слухи о партизанах-разведчиках, которые нуждались в более или менее надежном приюте. Таким местом, по словам родителей, выбрали ул. Володарского (на «русской» стороне) и ту часть, которая близко подходила к финским казармам. То, что мне известно: выбор выпал на дом и семью моего дяди. Одним из доводов такого решения был тот факт, что у них много маленьких детей (трое) и тетя беременна. При таком стечении обстоятельств трудно поверить, что здесь могут остановиться партизаны-разведчики. Как выяснилось впоследствии, одни и те же люди останавливались у них несколько раз и успешно переходили линию фронта.

В конце 1942 г. дядя и тетя были арестованы за связь с партизанами, им грозил расстрел. Но, учитывая, что тетя беременна и были маленькие дети, им отменили расстрел и приговорили к пожизненной каторге. Когда они сидели в тюрьме, во время прогулки в общем дворике к ним подошел мужчина, в котором они опознали приходившего в их дом партизана. Он попросил у них прощения, сказал, что не выдержал пыток и назвал их имена и дом. Дядя и тетя до окончания войны находились в тюрьме, а потом дошли вместе с отступающей финской армией до Хельсинки.

Тетя в тюрьме родила дочь и назвала ее Людмилой, которая сейчас живет в г. Петрозаводске, имеет семью и двух детей. Самое раннее детство Люды прошло в тюрьме и когда родителей уводили на работу, ребенка нянчила надзирательница, которая полюбила девочку и дала ей финское имя «Пуляйнен». Она умоляла родителей отдать ей ребенка, обещая хороший уход и воспитание девочки. Но родители – отец Вакулин Иван Петрович и его жена – Татьяна Михайловна не отдали ребенка. После окончания войны они вернулись в Петрозаводск еще с одной девочкой к трем, оставшимся в живых Лидии, Зое, Нине.

После ареста дяди и тети их детей взяли на воспитание мои родители. Все заботы по уходу за ними, в основном, легли на мою маму, меня и, выпущенную из концлагеря, бабушку. Вдобавок, мы еще приютили троих сирот-внуков бабушки (их мама умерла в концлагере), а маленькую девочку Галю, которой было не более 1,5 лет, мои родители удочерили, и она остается сестрой до сих пор.

Говоря о жизни в оккупированном городе, следует сказать о партизанском движении, состоявшем в основном из подростков и пожилых людей. Об их деятельности в то время можно было судить по взрывам на железной дороге, пожарам и другим ЧП. Одним из них был мой будущий муж – Усов Евгений Александрович, который в одной из операций был ранен и остался инвалидом II группы ВОВ.

Самыми тяжелыми воспоминаниями о войне остаются:

1) Чувство безмерной боли, холода, когда, отыскивая близких умерших, видишь штабеля трупов, содержащихся в обычном дровяном сарае.

2) Периодические ночные облавы в поисках партизан, когда среди ночи с бешеной силой стучат одновременно в дверь, окна, врываются в дом, сбрасывают одеяла со спящих детей. После такой облавы не можешь прийти в себя несколько дней (озноб, не способен думать).

3) Голод, он побеждает даже страх. Рвутся снаряды, бомбят, а ты думаешь о куске хлеба. Притупляется страх за свою жизнь.

После освобождения города Петрозаводска в 1943 г. я работала в Управлении Кировской железной дороги, в административно-хозяйственном секторе и училась на подготовительном отделении Карело-Финского университета.

В 1945 году была зачислена на биологический факультет КФГУ, который окончила в 1950 г. и получила диплом с отличием. В 1954 году защитила кандидатскую диссертацию, а в 1965 – докторскую диссертацию.

В 1967 г. утверждена в ученом звании профессора по кафедре зоологии Донецкого университета. В 2001 году присвоено звание заслуженного профессора Донецкого национального университета.

Мною опубликовано более 200 научных работ, из них 6 монографий, подготовлено 22 кандидата наук. С 1965 по 1972 гг. руководила биологическим факультетом, была первым деканом.

За плодотворную работу награждена орденом «Знак Почета» (1967 г.), медалями «За доблестный труд» 1970, 1980. Внесена в книгу «Трудовой Славы Донбасса» – 1973 г. Внесена в справочник «Жінки України» 2001 г.

В ДонНУ работаю с 1965 г. – по настоящее время.

**ПИСАРЕВСКАЯ
НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА**
(девичья фамилия Калениченко Н.М.)

Родилась 26 марта 1926 г.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 15 лет. Я окончила 8 классов СШ №2 в г. Никополь Днепропетровской области. Отец мой Калениченко Михаил Митрофанович был директором СШ №8, мать Калениченко Мария Васильевна – учительницей этой же школы. Мой брат Калениченко Павел Михайлович 1923 г. рождения, был студентом Львовского госуниверситета. Он был зачислен в Киев-

ский госуниверситет на механико-математический факультет, но по письму Министерства образования его перевели учиться в Львовский университет.

22 июня 1941 года, в воскресенье, вся семья, кроме брата, была дома, слушала радио. Прозвучали позывные, и мы услышали правительственное сообщение о том, что гитлеровская Германия внезапно, без объявления войны, напала на нашу Родину. Отец был невоеннообязанным по состоянию здоровья; брат, хотя и был невоеннообязанным по зрению, ушел на фронт добровольцем. Мы об этом узнали уже после освобождения г. Никополя, когда в мае 1944 получили долгожданный треугольник.

До середины августа в городе было относительно спокойно: все работали, отправляя всё для фронта, всё для победы. Но примерно в это же время, недалеко от станции Никополь, был разбомблен эшелон с заводским оборудованием и семьями сотрудников из Кривого Рога. Вопрос об эвакуации в семье встал очень остро.

15 августа 1941 г., в воскресенье, в полдень, когда в центре города было много людей, немецкие «Фокке-Вульф» налетели на город и стали бомбить его центр: мою школу №2, центральный универмаг, другие здания, не имевшие никакого отношения к военным объектам. Все было разрушено, погибло много людей, в том числе и детей, включая моих девочек-соседок 10 и 12 лет.

Эта бомбёжка решила всё: отец попросил школьную телегу, чтобы потом переправиться паромом через Днепр, и вернуть телегу назад в школу. Так же поступили и другие учительские семьи. 4 телеги переправились через Днепр в с. Каменка. Отправив телеги через реку назад в Никополь, родители пошли на элеватор в поисках телеги для поездки дальше. Они нашли 4-х возчиков, согласившихся отвезти нас в Б.Белозёрский район, с. Садовое, которое и стало местом нашего пребывания в течение полугода. Но это было потом. А до поездки в Садовое, по предложению возчиков, мы согласились переночевать в центре с. Каменка у школы, которая в то время стала призывным пунк-

том. Очень скоро, в полночь, послышался рёв немецких бомбардировщиков и нас начали бомбить. Но самое страшное – от школы кто-то пускал ракеты, освещающие школу и, конечно же, наши подводы. Мы разбежались в разные стороны, а немцы продолжали бомбить школу, ведь это, как выяснилось, был призывной пункт. После окончания бомбёжки мы все собрались, чтобы продолжить нашу поездку.

Днём приехали в с. Садовое, встретил нас председатель колхоза и предложил остаться. Дескать, поможете собрать урожай овощей и фруктов, а тем временем немцев отгонят от Днепра. Он предоставил нам жильё в семьях колхозников, которые, кстати, относились к нам очень сочувственно.

Так мы проработали месяц, ежедневно слушая канонаду, доносившуюся со стороны Днепра. Всех мужчин эвакуировали дальше на восток, а мы, получив то, что заработали на трудодни, а также пшеницу и рожь по мешку, остались в селе. Но через 2 дня наши мужчины вернулись, т.к. впереди уже были немцы. Мы оказались в окружении.

Через полгода родители поехали в Никополь проверить там обстановку. Наш дом был разрушен. Они месяц его ремонтировали, а затем приехали забрать нас (меня, бабушку и других родственников). По приезде в Никополь, мы увидели на рыночной площади недалеко от нашего дома виселицу с двумя повешенными, на них висели таблички «Так будет с каждым, кто не выполнит требований немецкого командования». Это повергло нас в шок.

Жизнь в оккупации была далеко не лёгкой. Всё взрослое население ходило в близлежащие деревни менять вещи на продукты питания. В один из таких походов через Днепр, в ту же Каменку, мама моя провалилась под лёд. Её вытащили, но она не вернулась домой, а пошла в село, где её отогрели, обсушили, поменяли кое-какие вещи на зерно, и только потом она вернулась домой. Вскоре после своего возвращения мама тяжело заболела, начались сильные головные боли, её парализовало – это было воспаление головного и спинного мозга. После очень тяжелой болезни мама умерла. Это случилось уже после освобождения Никополя в июле 1944 г.

8 февраля 1944 г. нас освободили Советские войска. Какой это был праздник! Весь город от мала до велика с цветами и слезами счастья вышел встречать наших воинов – освободителей. Радость была огромная – все встречали воинов-победителей!

Через неделю возобновили свою работу школы. Мы учились 1,5 года без каникул. В августе 1945 я окончила школу с золотой медалью. Учились мы хорошо. После занятий ездили в колхозы на прополку, на уборку урожая, на сбор металлолома. Наша школа продала собранный металлолом и отправила вырученные деньги в Москву, на покупку танка. За это школа получила правительственную благодарность (см. газету «Никопольская правда» №56 от 7 мая 1994 г. к 50-летию освобождения города).

7 травня 1945 р., 22 години 30 хвилин, Москва, Нікополь, директору СШ №1 Михайлу Митрофановичу Каленіченку, копія – секретарю первинної комсомольської організації ЛКСМУ Галині Федорівні Крижанівській, копія – голові учкому Карпенку:

Прошу передати учням і вчителям СШ №1 м. Нікополь, які зібрали 2500 рублів на будівництво танка імені СШ №1 м. Нікополя, мій щирий привіт і подяку від Червоної Армії.

Й.Сталін

Во время оккупации молодёжь систематически угоняли в Германию. Чтобы не быть угнанной, мне пришлось пойти работать на железную дорогу станции Никополь. В течение 10 месяцев приходилось отмеривать 12 км в день – 6 км на станцию и 6 км назад.

В университете работала с 1950 г. по 2006 г. в должности преподавателя, заведующей секцией иностранных языков, заведующей отделением романо-германских языков, заведующей кафедрой иностранных языков, деканом факультета романо-германской филологии.

Награждена медалями: «За трудовое отличие», «За доблестный труд».

**СЛЮСАРЕВСКАЯ
ЕЛЕНА ИВАНОВНА
(ЛОБОДА Е.И.)**

Родилась в городе Сталино
(г. Донецк) 5 мая 1926 года.

В 1941 г. закончила 6 классов, перешла в 7 класс и проучилась в нём ровно месяц. Немцы вошли в город 12 октября и моя учёба закончилась.

Жили мы в Ленинском районе (тогда он назывался – Сталино-Заводской), на 6-й Ларинке. Как раз напротив нашего дома (сейчас там Ленинский райисполком), около базара Соловки (он и до войны был

там), со стороны станции Караванной зашли немцы в город. Сразу начались облавы, забирали трудоспособную молодёжь и отправляли в Германию.

Отец мой был шахтёр, он имел бронь и работал до последнего дня. 11 октября его отправили на фронт. Мама лежала больная после операции, а мы с сестрой (1928 г.р.) остались с мамой. Подвал стал нашим убежищем и домом. Так как я была старшая, я должна была заботиться о них. Мне на тот момент исполнилось 15 лет, а сестре – 13.

Мы с сестрой ходили пешком к железнодорожному вокзалу (ст. Караванная) – это туда и обратно 7-8 км. Там были огороды людей и совхоза Пески; собирали, что осталось – фасоль, свеклу, картошку... Везде искали еду, потому что из нас никто не работал, денег не было. 1941 г. был урожайный, люди разъехались, оставили свои огороды и мы носили понемногу домой всё то, что находили. Это пока было тёплое время года, а когда выпал снег, еду стали искать на колхозных полях. Там были и подсолнух и кукуруза. Очень долгое время жили в подвале, скрывались от немцев. Пережили мы 1941 г., начался 1942 г. Немцы осмелели, начались облавы, по домам пошли полицейские. Забирали всех подряд, кроме малолетних и стариков.

Одно из отделений полиции находилось рядом с нами. Я лично видела, как застрелили одного мужчину. Он шёл и нёс что-то на плечах в мешке, а немец просто выстрелил в него. И так его тело лежало, пока не приехал конвой и не забрал его.

По утрам по городу были расклеены листовки, а немцы ходили их срывали, но на следующий день они снова висели. Люди говорили шёпотом, что в Сталино есть партизаны или подпольщики, их ищут, но безуспешно. Мы надеялись, что скоро дождёмся наших солдат.

Пока мы с сестрой были малолетними, нас немцы не трогали, но в августе 1942 г. пришли за мной. Пришли два полицейских и сказали, чтобы

завтра я была готова ехать, если убегу или буду прятаться, заберут всю семью. На следующий день меня забрали в 3-е отделение полиции. Подъехали грузовые машины и нас (около 30 человек) на этих машинах отправили к железнодорожному вокзалу. На вокзале стоял целый состав вагонов, тучи людей, всюду крики и плач. Немцы прикладами загоняли людей в вагоны с решётками на окнах; внутри в вагонах было только немного соломы на полу; после вагоны закрывали на замки. Везли долго и очень быстро, останавливали редко, выпускали по несколько человек, при этом стояли сзади с автоматами и кричали: «быстрей-быстрей». Помню, я сидела в углу и всю дорогу плакала, за слезами ничего не замечала. Есть не давали, только пить из ведра по глотку и повторяли: «айн глоток».

Мы ехали через Западную Украину, наверное, через Белоруссию, запомнила Перемышль. Там нас выгрузили и погнали в баню. Мытьё началось с того, что нас всех по очереди и нашу одежду обработали чем-то очень вонючим. У многих некоторые вещи позабирали, у меня ничего не забрали. Ту одежду, которую постирала, одела сырой. Она на мне и высохла, пока мы лежали на нарах под открытым небом, огороженные высоким забором. Скоро подали эшелон и нас повезли дальше в Германию. Когда въехали в страну, эшелон стали чаще останавливать, на выбор раздавали пленных желающим. Надо сказать, что людей, которым была нужна рабочая сила, было очень много. В вагоне нас оставалось всё меньше и меньше.

В очередной раз поезд остановился возле какого-то моста, как оказалось у города Герне, в 15 км. от Бохума. Нас забрали всех: нужны были рабочие на завод Дорн, где производили болты, гайки и т.п.

Немец с поезда привёл нас в лагерь, обнесенный колючей проволокой. Ворота были закрыты. Немцы дежурили и днём и ночью. Поселили меня в женский барак, комната номер 5, где уже было около 20 девушек. Девушки были из Таганрога, Новомосковска, Ростова и др. городов. Спали мы на двухъярусных кроватях. На следующий день нас разбудили, стуча палкой по кровати, дали колодки и повели на работу. Мне присвоили рабочий номер 110; бирки повесили на груди и на кровати.

Меня сначала поставили работать на станке, но я из-за небольшого роста не доставала до него. Тогда дали тачку, метлу и сказали «заубермахер» – убирать. Дальше я занималась уборкой производственных помещений.

Уходили мы на работу в 6 часов утра, в 11 был перерыв на полчаса. Нас кормили, давали баланду из брюквы. Заканчивали работу в 6 часов вечера. После работы тоже кормили баландой и давали воду чуть-чуть подсоленную, немного больше пол-литра, хлеб-суррогат «ячень-овёс». Ещё давали раз в неделю на двоих кирпичик хлеба. По праздникам кормили супом из бобов и моркови. Мы уже привыкли так питаться, никто не толстел и не худел, все были тощие и серые.

Из дома писем я не получала, потому что сама не писала – не знала, где купить конверт.

Получилось так, что один день я не работала, ушибла ногу. Надо

было убрать под большой болванкой, но я не удержала ее и уронила себе на ногу. У меня было нагноение на пальце. В ту ночь была воздушная тревога, и нас заперли в подвале и стерегли в две смены. Один из охранников увидел мою ногу и сказал, что утром отведёт меня к врачу, но я не поверила. Когда пришли после отбоя в барак, он мне сказал, чтобы я шла работать, а он скоро зайдёт за мной и отведёт к врачу.

Обувь у нас была – колодки на деревянной подошве, а сверху, как тапочки. Я стала обувать, а палец опух и не лез. Немец где-то взял бинт, дал мне перевязать ногу, и я пошла к врачу. Тот вскрыл нарыв, обработал рану, забинтовал ногу и отвёл меня в барак.

Некоторое время, около 2-х месяцев, я работала на обжиге болтов – это считался «горячий» стаж; за это мне дополнительно давали раз в неделю, по средам, полбуханки хлеба и грамм 200 маргарина (немцы тоже ели этот маргарин вместо масла, бедность была).

В конце 1944-го я уже работала на станке, который нарезал резьбу на болтах. Освободили нас американцы – это было 14 апреля 1945г. Люди побежали кто куда, но наш лагерь весь вывезли в Бохум. Там были военные казармы, где находились немецкие солдаты во время войны. На тот момент они уже были свободны и нас туда поселили. Кормили очень жирной пищей. Мы ели много после голодного барачного заключения. У многих расстроились желудки.

В мае американцы передали всех заключённых советским войскам. Какое-то время наши солдаты выводили нас на работу, где мы должны были молотить зерно, захваченное у немцев и грузить в вагоны и на баржи. Я запомнила этот город на канале – Ландсберг. Там было так красиво: домики очень ухоженные, рестораны прямо на воде, но все строения стояли пустые.

Я приехала домой в декабре 1945 года. Встретила своего отца, которого не видела 4 года, но я узнала его по голосу. Я вдруг ощутила, что очень повзрослела.

В 2002 году я снова побывала в Бохуме. Нас 20 человек, которые там были во время войны, пригласили в поездку. Меня возили на то место, где был завод, на котором я работала. Его уже нет с 1992 года, ликвидировали, так как он находился в центре города Герне. Сейчас Бохум – город-побратим г. Донецка.

Работала в ДонНУ с 1990 по 2000 гг. дежурной на ВЦ.

ЛИХОЛОБОВА ЗОЯ ГРИГОРЬЕВНА

Родилась 29 сентября 1926 г.
в г. Сталино (Донецк).

Памятные эпизоды

В условиях войны прошли годы моей юности. 22 июня 1941 г. мне было неполных 15 лет, а в мае 1945 – восемнадцать с половиной. Героических подвигов совершить мне не довелось. В боях с гитлеровцами на фронте или в партизанских отрядах участия не принимала.

Мои воспоминания – это восприятие событий тех суровых лет с позиций рядовой девушки. Тяжелые испытания, пережитые нашим народом в «роковые сороковые», в полной мере разделила моя семья – мама, младший брат и другие родственники. Периодически в памяти всплывают эпизоды из того далекого времени. Запомнилось, как водится, то, что несло в себе весомый эмоциональный заряд.

В октябре 1941 г. наши войска отступили. Семья собиралась в эвакуацию. Бойцы по пути заезжали попрощаться с родственниками. К тете приезжал муж – командир роты Ф.Степаненко. Неожиданно для прощания с нашей семьей приехал военный корреспондент К.Герасименко, который в 1934-1935 гг. непродолжительное время снимал «угол» в одной из квартир нашего двора. Меня это поразило: прошло много лет, связей с нами не поддерживал, родственником не был. И вот, в круговороте военного лихолетья этот внезапный визит. В ответ на возникшие вопросы я была посвящена в события из семейной хроники. В середине 30-х годов Герасименко выступал как начинающий одаренный поэт. Тогда на писательскую организацию обрушились политические гонения. Редактор журнала «Литературный Донбасс» Григорий Баглюк, посвятивший свое творчество трудовому Донбассу, был арестован, отправлен в Гулаг, где и погиб. Молодой поэт, друг репрессированного, горячо протестовал, называл главного виновника произвола властей Сталина – тираном. Это дошло до вехи бдительных чекистов. Последовала травля К.Герасименко, которого исключили из Союза писателей, отстранили от участия в работе журнала. Нависла угроза ареста, исподволь возникла мысль – ехать за помощью в Москву к Горькому (руководителю Союза писателей СССР). Но осуществить это было невозможно – не было денег, родители (сельские учителя на Полтавщине) помочь не могли, «друзья» отвернулись, а действовать нужно было немедленно. На помощь пришла моя бабушка – Наталья Даниловна Осина – малограмотная домохозяйка, которая, мобилизовав родственников, быст-

ро собрала необходимую сумму. И сделала она это потому, что слыла активисткой, общественницей (в дальнейшем была избрана депутатом горсовета), а дедушка был примерным коммунистом (работал мастером на заводе). Поездка К.Герасименко в Москву оказалась успешной. Горький помог. Поэт был восстановлен в Союзе писателей. Кстати, недавно в очерке из истории организации писателей Донеччины, я обнаружила существенную неточность. Автор утверждает, что Герасименко «шукав правди в Москві і Києві, та даремно». Но это противоречит действительности. Получив поддержку от Горького, К.Герасименко уехал в Киев, где продолжил творческую деятельность, выпустил несколько сборников, принесших ему признание как одному из талантливейших представителей украинской поэзии. А Наталья Даниловна Осина, не без риска для себя, совершила Поступок, достойный доброй памяти. Что касается К.Герасименко, его прощание с нашей семьей оказалось последним. В 1942 году поэт погиб на фронте Отечественной войны.

Эвакуированы мы были в Узбекистан. В первое время я продолжала свое образование, училась в Андижанском техникуме пчеловодства. Профессия меня не заинтересовала, знаний получила немного, но крепко запомнились бытовые неурядицы. В общежитии пропали теплые вещи, пришлось постоянно мерзнуть. Непроходящим было и ощущение голода. Запомнились частые поездки в поле для сбора хлопка: было непривычно, трудно, но норму старались выполнять. Картина бескрайнего хлопкового поля, переходящего у самого горизонта в покрытые снегом горные хребты, представляла зрелище весьма живописное. Она и сейчас как будто стоит перед глазами.

Вторая часть пребывания в эвакуации связана с работой на хлопкоочистительном заводе в небольшом городке Шарихан. Здесь я вплотную соприкоснулась с местным узбекским населением. Конечно, наплыв массы беженцев – женщин, детей внес в его жизнь немало сложностей. Приехавших нужно было разместить, часто за счет уплотнения местных жителей, решать проблему питания. Оно состояло из двух неизменных блюд – аталы (похлебки из муки крупного помола) и каши из джугары (крупы, напоминавшей нашу перловку), приготовленных без всяких приправ. Еды хватало всем, не голодали. Нужно было позаботиться о каком-то медицинском обслуживании. Все это ущемляло местный бюджет. Но я не помню признаков недовольства или неприязни со стороны узбеков на бытовой почве.

Заводская среда, в которой я работала сменным бухгалтером в производственной бригаде, отличалась исключительной доброжелательностью. Обязанности мои заключались в учете состояния трудовой дисциплины, выполнения норм первичной обработки данных и передачи их в бухгалтерию. Рабочие ведущих профессий, мотористы, прессовщики были безупречно ответственны и аккуратны, сам производственный процесс к этому их обязывал. Но, помнится, был один откатчик (привозил спрессованный в тюки хлопок-сырец на весы), с которым сладу не было: опоздания, сон на рабочем месте. До сих пор помню его фамилию – Аюпов. Мно-

го хлопот он задавал бригадире – Умарали Османову. Я пыталась применить методы убеждения. Будучи, по поручению комсомольской организации, редактором стенгазеты, регулярно публиковала информацию о производственных делах с критикой недостатков. Но Аюпов их не читал. С отчаяния посвятила злостному нарушителю «стихи», с яркой карикатурой:

«Раскинулись цехи широко,
И смена бушует вдали.
Товарищ, ползешь ты далеко
От тех, кто идет впереди.
И если два дня ты сумел прогулять,
И если в работе ленив,
Товарищ, мы больше не будем молчать. –
Позоришь ты наш коллектив!»

Материал привлек внимание всей бригады. Умарали перевел текст на узбекский язык. На Аюпова это произвело впечатление. Впоследствии, встречаясь со мной, он виновато улыбался. Нарушений не прекратил, но старался делать это в несколько меньших масштабах и более скрыто.

Работали по 12 часов в сутки, без выходных. Из праздников соблюдался только один мусульманский – «большой байрам». Завод замирал, для всех объявлялся официальный выходной день. Узбеки приезжали из кишлаков и на подводах, запряженных ишаками, увозили группы эвакуированных в гости.

Нас принимал в своей многочисленной семье бригадир Умарали. Угощал чудесным узбекским пловом, ароматными дынями и другими вкусностями.

В повседневной жизни все были чуткими и внимательными. Помнится, когда заболела мама, члены бригады приносили какую-то еду, помогали в приобретении лекарств, а когда пришло время возвращаться на Родину, на вокзал пришла делегация во главе с бригадиром.

Тронулся поезд, и я заметила, как Умарали смахивает ладонью набежавшую слезу. Я не верю тем, кто говорит, что дружба народов – это вымысел советской пропаганды. В повседневной жизни простых людей она существовала реально. Друзья познаются в беде. А факты, которых можно привести множество, свидетельствуют о том, что в лютой беде, какой была война, рядовые представители узбекского народа проявили себя настоящими друзьями.

Война научила жить интересами не только собственными и своей семьи, но близко принимать интересы общества, страны в целом. Несмотря на то, что работали по 12 часов, без выходных, не покидало чувство, что этого мало, главное происходит там, на фронте. Трепетно слушали каждое слово сводок совинформбюро. И, как только объявлялся набор на курсы снайперов или медсестер, как бы в оправдание, направлялись туда, без какого-либо принуждения, по зову сердца.

И, наконец, апофеоз – День Победы. Встречала его уже в родном Донцке (тогда Сталино). Помню, как все горожане: и освобожденные от

фашистской оккупации, и вернувшись из эвакуации, устремились в центр – на улицу Артема (1-ю линию). Большая часть главной улицы города лежала в руинах. На площади, прилегавшей к сохранившимся большим красивым зданиям театра оперы и балета, кинотеатра им. Т.Г.Шевченко, библиотеки им. Н.К.Крупской, происходило празднество, продолжавшееся и день, и ночь. Такого энтузиазма, искреннего эмоционального порыва, ликования от всей души, я больше не припоминаю. Всех переполняло сознание причастности к великому историческому событию: «Мы победили», «Наша победа». А впереди было продолжение торжеств, связанных с возвращением подлинных героев-фронтовиков, участников боевых действий.

В ДонНУ работаю с ноября 1956 г. по настоящее время.

Сейчас профессор кафедры истории славян, доктор исторических наук, Заслуженный профессор ДонНУ. Имею награды: медали – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «За трудовое отличие» (1981 г.), Почесну грамоту Верховної Ради України «За особливі заслуги перед народом України» (2003 р.); знаки – За отличные успехи в работе (Министерство образования СССР), Відмінник освіти України (Міністерство освіти і науки України).

ИГНАТЕНКО ПЕТР ИВАНОВИЧ

Родился 8 ноября 1926 года.

После 9 класса добровольно с другом пошли на военный завод в г. Фрунзе. Сначала меня взяли учеником слесаря-наладчика: делали гильзы, патроны, затем я стал слесарем-наладчиком и проработал с 1943 по 1945 гг. Работали по 12-18 часов, получали паек – 800 г. хлеба, конечно голодали. Дома мать жарила котлеты из лебеды и жмыха, но держались, не жаловались, мечтали о победе над врагом.

Было очень трудно работать, особенно в ночное время. Друг не выдержал трудностей и сбежал. Просто так никого не отпускали, поскольку была бронь, все были настроены патриотически, надеялись на скорую победу.

На работу не опаздывали, знали, что нашу продукцию ждут на фронте и работали под лозунгом «Всё – для фронта, всё – для победы!». Как и у большинства моих сверстников, отцы, старшие братья были на фронте. Мой отец воевал и погиб под Луганском (бывший Ворошиловград) в 1942 году. Мой старший брат тоже воевал, я тоже хотел попасть на фронт, но меня не отпускали с завода. Я понимал, что нужен был здесь, на заводе, и старался как можно больше выпустить патронов.

Дружили семьями, поддерживали друг друга, как могли. С теми, кто работал со мной в те военные годы, до сих пор поддерживаем связь. Я рад, что, будучи еще очень молодым, принёс пользу, и внёс свой небольшой вклад в дело победы над врагом.

Работаю в ДонНУ с 1964 г. по настоящее время, занимая должности зав. кафедрой общей и экспериментальной физики, доцента и зав. кафедрой рентгенометаллофизики. В 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1984 г. – докторскую диссертацию, в 1986 г. присвоено учёное звание профессора.

Награжден медалями: «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Знаками: «Відмінник освіти України», «За научные достижения». В 2006 году присвоено звание «Заслуженный профессор Донецкого национального университета».

ПЕВНЫЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 17 июня 1927 г.
в селе Марьинка Донецкой области.

Случайность или судьба

... Начало декабря 1942 года. Идет второй год немецкой оккупации г. Сталино. После входа в город немецкие военные власти вывесили на видных местах приказы, содержащие 10-15 пунктов. Каждый из них начинался словом «запрещается», а заканчивался словом «расстрел». И это были не пустые угрозы. Немцы народ пунктуальный, у них слова не расходятся с делом. Людей хватили налево и направо при малейшем подозрении. У моего соученика нашли на чердаке старую радиолампу – мальчишку повесили, а всю семью отправили в концлагерь. Особо жестко относились к случаям нарушений, касающихся оружия и радиоприемников.

Появилась биржа труда, на которой было обязательно регистрироваться все трудоспособное население. С первых же дней начали «окончательно решать еврейский вопрос». Затем начался «отлов» молодежи для отправки на работу в Германию. К голоду постепенно привыкли, как и к остальным оккупационным «прелестям» (комендантский час, патрули и т.д.).

Единственной радостью для нас в то время был пролет советского самолета или слухи о фронтовых неудачах немцев. Но самым большим и радостным событием было окружение немцев под Сталинградом. В тот период особенно сильно ощущался дефицит информации о событиях под Сталинградом.

В начале осени 1942 г. я работал учеником в частной радиомастерской. Ремонт радиоприемника, как правило, производился в присутствии заказчика-немца, что лишало всякой возможности прослушивания радиопередач. И вот однажды мне предложили самый лучший советский приемник – СВД-9. К сожалению, сейчас я не помню, кто мне сделал это предложение (подозреваю, что это был сам хозяин мастерской). У кого я брал приемник, также не сохранилось в памяти. Единственное, что я помню, что это было на Скотопроегонной улице (ныне улица Университетская) в районе первого корпуса ДонНУ (филфак).

Полученную ценность – шасси и динамик СВД-9, я сложил в мешок, завязал его и, взвалив на плечи, отправился в путь. Для того, чтобы попасть домой, мне необходимо было пересечь Первую линию (ул. Артема), насыщенную людьми. Большую часть ее составляли немцы, в том числе патрули.

Для пересечения Первой линии я избрал участок наиболее пустынный – между гостиницей «Донбасс» и театром, легко вышел в район больничных корпусов (7-я линия, ныне площадь Ленина). Далее с облегчением, что самое опасное миновало, я вышел на Почтовый проспект. Однако, не успев сделать и десятка шагов, увидел, поднимающиеся из-за бугра, две каски, затем появились шеи с цепочками и, наконец, бляхи фельджандармов. Я напоролся на

самый страшный патруль – патруль СД (служба безопасности). Патруль состоял из двух человек: первый – пожилой высокого роста, второй – тоже рослый, но совсем мальчишка.

Увидев приближающихся жандармов, судорожно решаю, что делать. Бросить мешок и бежать – сразу же разоблачить себя. Да и куда бежать? На лево – пустырь, направо – трехэтажные дома, до которых еще нужно добежать. Жандармам же сорвать с плеча карабин и передернуть затвор – считанные секунды. Я не успею пробежать и несколько метров, как они меня расстреляют. Остается только один выход: идти навстречу с невинным видом, не изменяя ритма движения.

Что меня поразило в патруле, так это поведение молодого жандарма. Он безумолку трещал, забегал вперед, дергал за рукав пожилого. Так вели себя только итальянские патрульные. Все время, пока сближаюсь с немцами, ощущаю на себе пристальный и цепкий взгляд пожилого жандарма, которому, как назойливая муха, мешает молодой. Прохожу медленно мимо них, не задерживаюсь, иду дальше. Неужели пронесло? И вдруг слышу сзади властный окрик «Halt!». Пешеходы, которые находились рядом со мной, шарахаются в сторону. Медленно поворачиваю голову назад. Пожилой жандарм подзывает меня согнутым пальцем. Я бреду назад, не чувствуя под собой ног. Он задает вопрос «Was ist das?», тычет пальцем в мешок и начинает его ощупывать. Понимаю, что это очень опасно, я быстро снимаю мешок с плеча, отвечая, что на улице холодно, и я несу дрова для печки. Демонстрируя готовность показать содержимое ноши, пытаюсь трясущимися руками «развязать» мешок и еще туже затягиваю узлы. В это время молодой жандарм, совсем не интересуясь происходящим, продолжает горячо повествовать о своих похождениях «mit Medchen» и настойчиво тянет за рукав пожилого жандарма от меня. Последнего гложет сомнение, но под натиском молодого медленно отходит от меня. Я же для подкрепления своей «невиновности» не торопился уходить, и все возился с завязками на мешке. И лишь, после того, как жандарм перестал оглядываться на меня, поднял мешок на плечо и двинулся домой.

Что бы произошло со мной, если бы я напоролся на «нормальный» патруль – он бы не ожидал, пока я развяжу мешок, а снял бы со своего бедра тесак и разрезал мешок. Или даже этот патруль, если бы пожилой жандарм на минутку заставил молодого замолчать и не мешать ему работать, он мог бы ударить носком сапога по мешку и услышал бы не глухой деревянный звук, а звонкий металлический.

Должен признать, что моя жизнь, да и не только моя, но и всей нашей семьи, была спасена болтливым шалопаем, нарушившим все уставные положения немецкой армии.

Окончил Ужгородский государственный университет (1951г.), создал кафедру физиологии человека и животных в Донецком государственном университете, определил ее научное направление и заведовал ею в период с 1966 по 1999 гг. Работал в области гигиены и физиологии труда в должности доцента, зав. кафедрой, профессора.

ЦВАНГ АРКАДИЙ РУВИНОВИЧ

Родился в 1928 г. в г. Балта Одесской области.

Считается, что, если в семье дед или прадед были преподавателями, то наследники идут по проторенному пути. Так это или случайно, но в нашей семье я последовал этим путем, хотя вначале мне и в мыслях не приходила такая идея.

Я был «дитем» пятилеток и воспитывался на идеях перестройки мира, а хотел быть летчиком, пограничником, следопытом, каким был мой отец (погиб в 1935 г., будучи молодым криминалистом-дактилоскопистом в ГПУ г. Балта).

После смерти отца нас осталось 4 брата и сестра. Матери было очень сложно вырастить такую ораву. К счастью, все выросли достойными тружениками.

Шел 1941 год. Над миром нависла угроза мировой войны...

Честно говоря, я и мои друзья, которых у меня было великое множество, не боялись грядущего: нас вдохновляли героические фильмы, где мы всегда побеждали врагов, и песни-песни: «Если завтра война», «Три танкиста», «Истребители» и т. п. Мы свято верили в победу, которая все-таки пришла в войне с фашизмом. Но какой ценой?!

Тринадцать лет, много это или мало? Теперь, думая об этом, я с горечью вспоминаю первый год войны, ибо все оказалось слишком трагичным.

Помню, как сейчас, заканчивалась учеба в школе, а мне 13 и я перехожу в шестой класс.

Мы предвкушали игру в «тимуровцев», детские военные игры и лето со всеми его прелестями.

Вспоминаю, как мы всей школой поехали в село помогать убирать урожай и вдруг нас всех отправили домой. Дома нас ожидала трагическая весть о начале войны. Голос Левитана по радио, голос Молотова... Улицы опустели; матери и жены провожали самых дорогих и близких воевать... И тут слово «война» начало обретать совсем другую окраску; люди плакали, а другие, как говорится, «стиснув зубы», сурово и очень сосредоточенно пытались найти успокаивающие слова, что, дескать, все будет хорошо.

Двое моих братьев немедленно начали готовиться в военкомат, а третий брат Семен вызвался идти добровольцем, и его взяли. Назавтра мы впервые увидели фашистские самолеты и первые страшные взрывы бомб. Все это оказалось совсем не то и не так, как нам представлялось. Это был

ужас и смерть. Никакие слова утешения или успокоения не действовали, нужно было адаптироваться к этому...

Легко сказать привыкнем, но страшно было наяву, в реальности.

Началась эвакуация. Мы в тракторной колонне МТС двинулись на восток. Через двое суток нашу колонну разбомбили и расстреляли, мы разбежались, как «зайцы», зарывались в землю...

Испытания на прочность проходили по мере удаления от линии фронта.

В моей памяти осталось много воспоминаний, но врезалось в сознание то, что есть такие понятия, как дисциплина, точность, спокойствие и уверенность в себе и своих товарищах. И это пришло ко мне, когда мы втроем – мама, сестренка и я попали в отряд пограничников, которые взяли нас к себе. Здесь не было надуманной храбрости, эти «золотые» парни спокойно и умело делали свое дело. Они, отступая, воевали, всегда были подтянуты, выбриты, аккуратны. Они находили нужные для нас слова, шутили и умело воевали. Они взрывали мосты, закладывали мины, не паниковали, а вечерами пели песни у костра.

Дисциплина была удивительной, и уверенность от них передавалась нам...

Затем нас усадили на открытую платформу поезда, дали в дорогу хлеба и других продуктов, и поехали мы на восток. Ни бомбежки, ни пулеметные обстрелы нас уже так не пугали. Как ни странно, но эта уверенность поселилась во мне надолго, и это во многом помогло мне жить в дальнейшем.

В 1941 году я эвакуировался в г. Чарджоу в Туркмении.

В 13 лет стал работать и жить в тылу. Если быть кратким в воспоминаниях, то это заключалось в расточке «стаканов» будущих мин. Одновременно я обучался фотографии. Там я получил специальность фотографа.

Голод и другие лишения закалили меня и моих товарищей. Мы выросли не по возрасту...

По призыву правительства Украины в эвакуации мы попали в реэвакуацию, т.е. по мере продвижения нашей Армии освобождались территории, а мы в специальных «теплушках» спецпоездов двигались следом. Так я попал в свою родную Одещину в 1944 году. Меня сразу же взяли в истребительный батальон, где под руководством комендатуры города с оружием в руках сражались с остатками банд, ловили полицаев, скрывающихся немецких солдат и офицеров, ловили дезертиров, наводили порядок в своем городе, который был сильно разрушен.

Мне было приказано фотографировать рвы и овраги, заполненные расстрелянными гражданами города. Я участвовал в паспортизации. Фотографировал сотни и тысячи людей, уходивших в бой. Многие просили сделать фотографии на память родным и близким.

Спустя год открылась школа, и я, работая, учился.

По окончании школы я оставил работу и поехал в Москву учиться.

Мечтал стать кинооператором, но, увы, судьба распорядилась иначе.

В Москве я окончил МФЭИ.

После окончания института меня направили в Донецк на работу в облфинотдел. Это совпало со временем сокращения штатов... И обком комсомола меня направил на работу во Дворец пионеров преподавать фото- и кино-дело. Восемь лет я проработал в этом направлении и небезуспешно. Мои ученики дважды становились победителями Республиканских конкурсов.

В 1962 году меня пригласил к себе заведующий облоно Г.Е. Евтухов. Он предложил перейти в Донецкий пединститут. Так с сентября 1962 г. я стал преподавать в пединституте, который в 1964 г. стал филиалом Харьковского университета, а в 1965г. – Донецким государственным университетом.

42 года я проработал старшим преподавателем и руководителем кинофотолаборатории ДонГУ.

Тысячи моих учеников, работающих в разных странах и в различных сферах народного хозяйства, моя главная жизненная награда.

Награды: золотая медаль Лауреата Всеукраинского фотоконкурса за занятое I место, посвященного 50-летию СССР (1967г.), серебряная медаль за участие во Всероссийском фотоконкурсе.

ФЕДОТОВА ОЛЬГА КСЕНОФОНТОВНА (в девичестве Тесленко О.К.)

Родилась 30 марта 1930 г. в г. Таганроге Ростовской области.

22 июня 1941 г. мы всей семьей отправились в ТЮЗ на спектакль «Снежная королева».

Выйдя из театра, полные радостных ощущений от победы добра над злом, мы узнали, что началась война. Мама горько заплакала. А мы еще не понимали, что это такое «Война»!

Отец участвовал в гражданской войне. Так как у него в руке после войны остался осколок, его не взяли на фронт,

но призвали на работу в НКВД и послали в Сибирь, в г. Томск. Отказаться было нельзя.

Работа в НКВД для него была страшной мукой. Мы не раз слышали, как он плакал по ночам. Потом, когда мы повзрослели, рассказывал о расстрелах людей без суда и следствия.

В послевоенные годы отец был счастлив возвратиться к профессии инженера.

Отец в июле 1941 г. выслал семье вызов. Люди, видя, как мы с вещами добирались до вокзала, говорили: «Что испугались? Драпаете!» Никто не верил, что война будет затяжной и такой страшной.

Уже в Ростове наш поезд разбомбили и до Томска добирались в товарных вагонах целый месяц. Мы, дети, радовались, что уже не будет бомбежек, которые часто испытывали в Таганроге. Когда мы с бабушкой и «чемоданом с ценностями» (большой энциклопедией в нескольких томах) прятались в «щели» (окопы), мама после объявления тревоги убегала в горком комсомола, где работала заведующей отделом печати. Слушая рёв самолетов и взрывы бомб, мы с ужасом представляли тоненькую фигурку мамы, которая бежала на работу под разрывами бомб и боялась за нас.

Когда мы добрались до Томска, полуголодные, завшивленные, то из продуктов осталось на донышке банки немного топленого масла. Мама сказала отцу: «Дети голодные». Когда в доме нашлись два пряника (это вся еда, т.к. отец питался в столовой и денно и ночью пропадал на работе), я поняла, что детство закончилось.

Детям дали пропуска в столовую, куда мы с сестрой один раз в день ходили в любую погоду. Помню, зимой отправились в путь, закутались в байковые одеяла, но придя, долго не могли отогреть руки. У меня до сих

пор непереносимость холода кончиками пальцев.

В школе не было электричества. Освещал класс сальник из ваты, смоченный маслом. Не работало отопление, сидели на уроках в пальто. Писали между строчек старых книг. Но учиться хотели. Когда в шестом классе я заболела тяжелой формой дифтерита, врачи сказали о совершенно ослабленном моем организме и предложили вообще отказаться от учёбы. Но мама сумела победить в борьбе за жизнь ребёнка и, проучившись ещё один год в шестом классе, я продолжала учёбу и окончила школу без троек, а потом и институт с единственной четверкой в зачётке.

В памяти остался радостный праздник 1 мая 1941 г., который в Таганроге праздновали как День дружбы народов СССР. Люди были одеты в национальные костюмы, играли гармони, пелись песни. Мы, дети, чувствовали счастье от того, что мы – советские люди. И долго нам верилось, что Страна Советов будет самым могущественным и счастливым государством на планете.

Помню, как по литературе при прохождении темы «Т.Г.Шевченко», я, русская, из русскоязычной семьи, попросила разрешения прочитать «Заповіт» на украинском языке. Когда прочитала, ко мне потянулись ребята.

В День Победы 9 мая 1945 г. мы с цветами встречали солдат на площади г. Томска, смотрели салют Победы и поздравляли друг друга с великим событием.

В ДонНУ проработала с 1968 г. по 2004 г. старшим преподавателем кафедры английской филологии и кафедры иностранных языков.

Награждена медалью «Ветеран труда».

СИЛЬЧЕНКО ЛИДИЯ КУЗЬМИНИЧНА

Родилась 12 августа 1930 году в г. Ворошиловграде в семье рабочего.

Детство помнится мне красивым, счастливым. Очень хорошо помню детский сад: майские праздники (утренники), елку (призы-игрушки) со снегурочкой и дедом Морозом; выезд летом на дачу от Ворошиловградского паровозостроительного завода.

Сентябрь 1938 года – первый класс! Первые три класса учусь в 25-й СШ г. Ворошиловграда (школа далеко от дома). Радостное известие: в 4-м классе буду учиться в новой школе, 5 минут ходьбы, ура!

Не довелось нам учиться... Детство украла война! Школа – под госпиталь! Учимся в бараках... 4-й класс успела окончить до оккупации.

Лето 1942 года, июль. Ворошиловград оккупирован... Завод ОР (отец работал кочегаром прокатного цеха) эвакуирован на Урал.

Отец призван в РККА, но по «чистой отставке» демобилизован (инвалид – одна нога на 6 см. короче другой).

На биржу труда родители не явились. Вместо этого купили тачку, куда положили швейную машинку, перину, на которой разместили моих 2-х сестер и брата (5,5 лет, 3,5 и 1,5 года), а я (11,5 лет) прошагала 350 км, держась за повозку. Был август месяц... В основном ночами (лунными), окольными путями-дорогами, чтобы не встретить немецкий патруль, за 14 дней дошли до с. Жуково (моя родина) Алексеевского р-на Воронежской (ныне Белгородской обл.), что в 50 км от Валук. Нейтральная полоса: фронт на Дону, а в противоположной стороне – немцы «стояли» в 18 км от с. Жуково.

Иногда на мотоциклах врывались в хутор, хватали, что могли из еды и «улетали».

Моя маленькая сестра говорила: «Я мала, а как вырасту большая, буду тоже бить врага». Ей было 4 года. Говорила: «Через 3 года я буду учиться в школе так, как учишься ты!».

А про немца, когда вспомнит,
как корову он доил,
как теленка взял с собою,
как курей за хвост ловил...

И тогда уж присмирееет,
свои ушки наострит...

Нет, теперь уж больше зверям
По России не ходить!

Освободили нас 18 января 1943 года. А 25 января я уже пошла в 5-й класс.

За успешную (отличную) учебу меня и Пашу (одноклассницу) перевели в 6-й класс «условно», так как по языку мы еще не изучали «глагол», а по математике – «пропорции и проценты». Самостоятельно «догнали и перегнали» шестиклассников.

7 класс НСШ – и я еду в Ворошиловград, поступаю в торговый техникум без экзаменов («отличница»).

1947 голодный год!

500 гр. хлеба на день, 1,5 кг тюльки вместо мяса на месяц, 400 гр. сахара, 1,5 кг крупы – студенческий паек.

Голод, холод, но жажда знаний переборола все невзгоды.

1948 год – сначала продавец I разряда, но всего лишь через 3 месяца – товаровед Кадиевского смешторга, а вскоре – экономист по ценам Ворошиловградского ОУМТ (областного управления местной торговли). Не мое призвание торговля (с куклами играла роль учительницы).

1951 год – мечта начинает сбываться – матфак ВГПИ.

1955 – учитель математики Георгиевской СШ на Луганщине.

Но... рекомендация в аспирантуру, любопытство – «что из этого выйдет» – занесли меня в ХГУ на кафедру геометрии. Академик А.В. Погорелов (автор нынешнего учебника по геометрии) удостоил меня такой чести – быть его аспиранткой.

Итог жизни:

1) Специальность поменяла не зря!

2) Самый счастливый период в моей личной жизни (а также в судьбе) – учеба в аспирантуре, так как подобных Алексею Васильевичу Погорелову, Дмитрию Захаровичу Гордевскому, Якову Павловичу Бланку и всему их окружению «геометрической» кафедры не много встречала в своей жизни.

А о войне многое вспоминаю с ужасом (бомбежки, бой в с. Жуково, когда, вырвавшись из окружения озверелым немецким солдатам бой дала часть РККА). Но это же не блокада Ленинграда, и не освобождение Киева, и не Сталинградская битва...

На наших алых боевых знаменах
Святая ярко кровь отцов горит.
И память о героях Краснодона
Навеки сердце юных сохранит,
Сергей Тюленин и Любовь Шевцова –
Не меркнуть вашей славе никогда.
Идти дорогой вашей – мы готовы,
Ваш подвиг – путеводная звезда.
За то, чтоб дружба крепла и мужала
На всей земле между людьми труда,
И наливалась тяжестью металла –
Вы жизни ваши отдали тогда.
Мы знамя вашей славы боевое
Сквозь бури, испытанья пронесем.
С врагом коварным мы готовы к бою
И с верного пути мы не свернем.

(Я не Пушкин, не Крылов
не могу писать стихов,
а пишу 4 слова: живи,
учись и будь здорова –
девиз юности моей.)

«Дети войны» – краткое определение категории людей, у которых война украла детство, и не только!

Сколько осиротила, у скольких забрала жизни их детей, родных; не только физически покалечила, но и поголовно всех – психически.

Специфический звук «У-у-у» немецкого бомбардировщика и вой сирены, призывающие в бомбоубежища, – наводили на меня ужас, сознание безысходности, неотвратимости, неизбежности. Часто потом в кошмарном сне я хватаю на руки годовалого Толика, зову, кричу: «Нина, Рая – бежим в убежище, или под кровать». В газете была статья, как девочка спаслась под кроватью от завала разбомбленного дома.

1942 год! В Ворошиловграде немцы разбомбили элеватор.

Люди бросились запасаться мукой, крупой... У нас четверо детей: Я старшая – 11 лет, сестры 5 и 3 года, брат 1 год. Мать хватается мешок и спешит с соседками (из корпуса) за мукой.

Отец возражает: «Ты с ума сошла, тебя убьют (бомбежка не прекращалась), что буду с ними четырьмя делать? Вернись!» Но мать не слушает! «Чем завтра кормить вас буду?» – слышим в ответ. Детское сердечко сжалось от страха: малыши не понимают, а мне страшно за маму, за себя, за детей...

Январь 1943 года. Вырвавшиеся из окружения итальянцы расселились на ночь в хуторе Жуково. Топят печь, требуют, чтобы испекли «потата» (картофель). Мама показывает, что загорится крыша, соломой крытая, – очень жарко печь разогрета; периодически мама выбегает на улицу и смотрит на трубу, нервничает: из трубы вырывается пламя... Но ждут печеную картошку – никуда не денешься, на печи (русской печи) рядом с «грубкой» замерли мы – четверо ее детей. И так до рассвета.

Слава Богу, с рассветом пьяная орава ушла из хутора.

9-е мая 1945 года... Урок конституции. В класс вбегает завуч и громко говорит: «Война окончилась!» Что тут началось! Все вскочили с мест, кричат, обнимаются, плачут, мальчики «ходят на руках» между партами, просто бегают по партам... А учительница Валентина Борисовна села на стул и громко зарыдала: она из Борисоглебска, все ее родственники погибли, осталась одна... Радость победы подавлена болью утрат.

Мы работали всю жизнь, руководствуясь принципом: «Лишь бы не было войны...»

Работала в ДонНУ старшим преподавателем кафедры высшей математики методики преподавания математики с 29 января 1965 года по 1986 год.

Ветеран труда, участник войны, имею благодарности и грамоты ДонНУ.

ПАРШИКОВ АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ

Родился 28 июля 1931 года
в г. Днепродзержинске
Днепропетровской области.

Перед Великой Отечественной войной семья переехала в город Дмитриев Курской области, который находится на границе с Брянской областью. В октябре 1941 года в город вступили немецкие войска.

Боев, как таковых, при наступлении немцев не было. Были бомбёжки.

Запомнился такой случай: бомбили железнодорожную станцию, на которой стояло несколько цистерн спирта. Из цистерн выливается спирт и стекает в овраг, местные жители за этим наблюдают. Картина, конечно, страшная. Вместо того чтобы тушить огонь, все наблюдали. После отступления наши сделали несколько оружейных выстрелов.

При вступлении в город немецкие солдаты ехали на машинах, танках, мотоциклах с засученными руками. Если какая техника отказывала, её бросали и свозили в определённое место. За время оккупации, до марта 1943 года, в городе кроме немцев были финны, румыны, венгры (мадьяры), итальянцы, поляки.

В районе и вокруг него действовали партизаны (взрывали мосты, эшелоны и т.д.). Немцы проводили карательные экспедиции, но не сами, а использовали для этой цели румын и полицаев. Пытались использовать венгров, но их часть полностью перешла к партизанам. Румыны боялись идти, поэтому окружали села, население кололи штыками – сгоняли на опушку леса и сёла сжигали. Это так они проводили карательную акцию.

Я жил на последней улице, где текла река. На этой улице стояла семилетняя школа, в которой останавливались военные части. Солдаты этих частей всегда кормили детвору: утром, в обед и вечером повар наливал в ведёрочка, сделанные из литровых консервных банок, первое и второе. Если им присылали лимоны и апельсины, обязательно угощали детей.

В самом городе зверств было относительно мало. Когда немцы вошли в город, расстреляли несколько красноармейцев, находившихся в окопе. Повесили мальчишку пятнадцатилетнего. Он искал корову в лесу. Причём, вставили в рот кость и сфотографировали.

Повесили партизанскую разведчицу Веру Терещенко.

На сельхоздворе был устроен лагерь военнопленных. Дети им бросали через забор из колючей проволоки хлеб, картофель, морковь, бурак и др.

Взрослые это делать боялись под угрозой расстрела. Некоторых из пленных удалось освободить. Женщины объявляли их своими мужьями или братьями.

Немцы агитировали ехать в Германию на работу. Но желающих было мало. Тогда они начали устраивать облавы. В базарный день окружали рынок и забирали людей, а затем отправляли в Германию.

В городе жил зубной техник по фамилии Гитлер, так его заставили изменить фамилию на Финкейштейн.

В начале 1943 года начались бои за город. Наши били из пушек и миномётов по городу, немцы из города отвечали тем же. Причём, техники, которая была у немцев в начале войны, уже не было. И теперь они технику, которую раньше бросали, по мере возможности, восстанавливали и отправляли на фронт.

Жители жили в погребах и подвалах.

Бои шли несколько недель. В последние сутки была сильная метель. Ночью немцы ушли, но сбились с дороги. В снегу на протяжении нескольких километров побросали своё имущество: пушки, пулемёты, снаряды, гранаты, лыжи, обмундирование, продукты и т.д.

Взрослые собирали продукты, обмундирование, одеяла и др., а дети оружие и занимались обезвреживанием снарядов. Очень много детей погибло во время этого процесса. Это длилось примерно в течение года, а может и больше. Местные жители старались убрать всё это.

Сразу после освобождения райцентра работали в колхозе, перевозили боеприпасы. И это практически при постоянной бомбёжке. Во время одной из бомбёжек я был ранен в голову, руку, ногу и глаза.

Перед Курской битвой население города было эвакуировано километров за 20-30 от линии фронта в ближайшие деревни. После сражения на Курской дуге вернулись из эвакуации и продолжили работать.

В день Победы люди на улицах плакали и обнимались. А когда пошли поезда с демобилизованными, их встречали с цветами, кормили кто чем мог.

В 1949 г. после окончания средней школы поступил в Харьковский горный институт, который закончил в 1951 г. Был направлен на работу в город Торез (Чистиково) Донецкой области. Работал на шахтах выборщиком породы, проходчиком, электрослесарем, помощником машиниста врубовой машины, горным мастером, помощником начальника участка, начальником участка, заместителем главного инженера. Затем преподавал спецдисциплины в Торезском горном техникуме имени А.Ф.Засядько. Окончил с отличием годичный факультет усовершенствования инженеров Всесоюзного заочного экономического института. С 1964 г. учился в аспирантуре, работал старшим научным сотрудником в Донецком политехническом институте.

В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию. С этого времени работаю на экономическом факультете Донецкого государственного университета (последствии национального) старшим преподавателем, доцентом, а в

настоящее время профессором кафедры международной экономики. Академик Украинской технической академии. Отличник образования Украины, лауреат ВДНХ СССР, лауреат всесоюзного выставочного центра России.

Награждён медалями:

«Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Ленина», «Г.Жукова», «За верность присяге», знаками «Шахтёрская слава» трех степеней.

СИНЕЛЬЩИКОВА ЗОЯ ИЛЬИНИЧНА

Родилась 7 ноября 1931 года в
г.Воронеже.

Эхо войны

Мы благодарны нашей памяти, которая хранит все хорошее, что было в нашей жизни, и сглаживает всё трудно пережитое, а порою заставляет даже забыть. Но моя память четко хранит годы Великой Отечественной войны, и, хотя прошло почти 65 лет после её окончания, эхо её живет во мне до мельчайших подробностей.

Я помню нарастающее беспокойство моих родителей по поводу захвата стран Европы и постоянные разговоры о том, что ждет нашу Родину. И гром грянул. Ранним утром 22 июня по радио мы услышали, что ровно в 4 часа утра немцы бомбили красавец Киев. Началась война, война без правил, без объявления. Растерянность страны была недолгой. Началась группировка сил, возможностей, принимались необходимые меры. Коснулось это каждой семьи и каждого человека. В моей семье – четверо. Первое решение принимает папа, он добровольно уходит на фронт. Он коммунист и его место там. Кроме того, он опытный машинист, будет водить эшелоны поездов к линии фронта на протяжении всей войны, сохраняя драгоценные грузы, ведя неравный бой с фашистскими бомбардировщиками. Мама домохозяйка, поступает на завод, выпускающий танки. Вместе с нею идет туда и брат, ему 13 лет (1928 года рождения). Они горды тем, что делают все для победы. Я остаюсь на хозяйстве. Мне неполных 10 лет. Моя обязанность – стоять в очередях за нормированным хлебом, мылом, керосином и т. д. не только днем, но и ночью. Готовлю немудреную пищу. Мама и брат имеют нетвердый график рабочего дня, порою их не бывает сутки и более, тогда я несу им свое приготовление.

1 сентября 1941 года я начала учиться в другой школе в третью смену. Моя прежняя школа отдана под госпиталь. Но и там нам, ученикам, нашлось место: моем полы, помогаем раненым, выполняем их просьбы – пишем под их диктовку письма родным. Я при этом глотаю слезы, где-то и мой папа, жив ли он, а может ранен? Писем нет, его все время перебрасывают на разные участки.

Каждую свободную минуту я прихожу в госпиталь. Читаю раненым книги и сейчас еще слышу голоса – «дочка, а погромче можно?» Дома шью кисеты, в школе нас учат этому, их потом отправят на фронт вместе с дру-

гими собранными вещами в посылках. Как быстро ушло детство, мы повзрослели не по годам.

Мой город Воронеж, где я жила, постоянно бомбят, уничтожая не только производственные объекты, но и весь город, его жителей. Враг подошел вплотную к нему. Река Воронеж, впадающая в реку Дон в 15 км от города, разделяет его на левую и правую часть. Немцы наступали на правую часть и вели массированный удар по мостам, соединяющим обе стороны города, которые были до предела загружены отступающими войсками и бегущим на левый берег народом. Самолеты немцев на бреющем полете расстреливали всех, взрывали мосты. Мама и брат тащили меня вплавь через реку. Вода была розовой от людской крови. Левый берег немцы взять не смогли. Наши защитники стояли насмерть, чтобы не открыть путь на Москву, и выдержали. Город был разрушен на 95 %....

Хочу сказать о сплоченности и доброте людей в этой войне. Нас, эвакуированных, принимали, размещали в своих домах селяне, делились всем, что было у них, давали работу, тепло своих сердец. Вместе мы верили, что победа за нами. Так и случилось. Сейчас я большим счастьем считаю жить в мире. Мир надо беречь, бороться за него и помнить тех, кто такой страшной ценой отстоял его. Пусть наша память хранит подвиг наших отцов, дедов – живых и павших, подаривших нам мирную жизнь.

В ДонНУ проработала с 1969 г. по 2001год.

СЕРЕДИН ВАЛЕНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился 19 августа 1933 года в пос. Суземка Суземского района Брянской области.

Отец, Середин Алексей Данилович, в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) был одним из организаторов партизанского движения на Брянщине. В бригаде «За власть Советов» он воевал с первого дня оккупации

до дня освобождения.

Старший брат, Середин Владимир Алексеевич, 1927 года рождения, будучи пионером, вступил в партизанский отряд. В июне 1943 года в одном из боев погиб.

С матерью и двумя сестрами я в период оккупации Брянской области находился в Брянских лесах с партизанскими отрядами.

В мае 1943 г. немецко-фашистское командование решило уничтожить партизан, для чего провело карательную экспедицию. Против партизан действовали части 12 пехотных и танковых дивизий и до 30 карательных частей. Общая численность группировки 150 тысяч человек. Противнику удалось окружить южную группу партизан, однако 1 июня партизанские бригады прорвали кольцо окружения и усилили свою боевую деятельность.

Во время блокады Брянских лесов немцы захватили в плен много мирных жителей. Попала в плен и моя семья. Нас поместили в тюрьму пос. Локоть. Вот как описана эта тюрьма в книге М.Ф. Ковалева «Лесной фронт». М., 1983 г. Стр. 96.

«В период массовых облав и массовых карательных операций против партизан все задержанные не вменялись в камеры. В этом случае их содержали под открытым небом, во дворе тюрьмы. В основном это были дети, женщины, старики-члены семей партизан. На прогулки арестованных, как правило, не выводили. Большая скученность в камерах, антисанитарные условия вызывали массовые заболевания. По этой причине много арестованных умирало. Содержащихся в тюрьмах избивали резиновыми дубинками, плетью, шомполами.

Для устрашения населения и заключенных практиковалось такое: выводили группу арестованных и публично вешали около тюрьмы на деревьях, расстреливали на опушке леса во рву».

Здесь наша семья пробыла больше месяца, а затем была отправлена в лагерь Нежина на кирпичный завод. Здесь нас освободила Советская Армия.

С 1952 по 1956 г. я служил в Советской Армии. После демобилизации поступил в Московский государственный университет на философский факультет, который окончил в 1961 г. С 1961 по 1964 год работал ассистентом, а затем старшим преподавателем Криворожского горнорудного института. С 1964 по 1967 год учился в аспирантуре Московского университета. После окончания аспирантуры, в ноябре 1967 г. направлен на работу в Донецкий государственный университет.

С 1971 по 1980 гг. работал в отделе науки и учебных заведений Донецкого обкома компартии Украины инструктором, а затем заместителем заведующего отделом.

С 1980 г. снова на кафедре философии Донецкого университета. С 1981 года – заведующий подготовительным отделением.

Награжден орденом «Знак Почета». Инвалид II группы Великой Отечественной войны.

ЦАПОВИЧ ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВНА

Родилась 1 мая 1918 г.
в Донецкой области.

Во время войны работала в Луганской области на шахте лебедчицей, диспетчером. Там был сформирован отряд, который вместе с полевой кухней отправился рыть окопы. Пешим порядком была на окопах в Луганской, Днепропетровской, Запорожской областях. Когда работали, над нами периодически кру-

жил самолет, сбрасывая пакеты со взрывчаткой, которые, слава Богу, взрывались редко.

Особенно долгожданным и радостным был праздник Победы. После трудностей и лишений, пережитых в годы войны, он вдохновлял на большие трудовые достижения.

В послевоенные годы за высокие трудовые показатели неоднократно награждалась почетными грамотами, портрет был помещен на городской Доске почета (г. Красный Луч); была членом Ворошиловградского (Луганского) обкома профсоюза. В 1954 г. была делегирована в Москву, где принимала участие в работе очередного съезда профсоюзов. В перерывах между заседаниями, в порядке обмена опытом, общалась с другими участниками съезда, среди которых был министр А.Ф.Засядько.

День Победы для меня является самым большим праздником.

В ДонНУ работала с 1973 по 1998 гг. в должности дежурной профилактики.

КОШКА ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВНА

Родилась 1 ноября 1922 г. в
Донецкой области.

Я – единственная дочь, младшая из детей, до войны окончила с похвальной грамотой 7 классов. По окончании средней школы, собиралась продолжить учебу на юридическом факультете, но начавшаяся Великая Отечественная война перечеркнула все планы. Первого сентября, как обычно, начались занятия, но фронт неумолимо приближался. Пятого сентября немцы особенно жестоко бомбили железнодорожные станции города и

Рутченково, учебный аэродром (ныне микрорайон «Текстильщик»). Но наши «Чайки» успели взлететь и перебазироваться в г. Чкалов.

Для нас немецкая оккупация началась с 11-го сентября 1941 г. Был ненастный день, моросил мелкий дождь, небо плотно затянуло тучами. Мы увидели тыловые части немецкой армии. Накинув какие-то платки на голову, мы молча стояли и смотрели. Они не стреляли в нас, а указывали пальцем, ржали и восклицали: «Сталин – культура?»

Эвакуироваться мы не успели. Большинство, кто успел уехать, возвратились, т.к. город был окружен немцами, «клещи» которого сомкнулись где-то в районе Дебальцево.

Настала тяжелая пора в нашей жизни – темная ночь немецкой оккупации. Закрылись школы. Дети не учились. Взрослые не работали. Но самое страшное, – начался голод.

Голодать наша семья начала чуть ли не с первых дней войны. Родители, получив отпускные деньги, отнесли их в сберкассу, оставив на расходы небольшую сумму. Через некоторое время все личные счета были заморожены. Выдавали лишь по 200 руб. в месяц, а этого для нашей семьи из 5-ти человек хватало лишь на скудное питание, о каких-то «запасах» не могло быть и речи.

До прихода немцев, во время «безвластия», люди грабили склады и магазины, запасались солью, спичками, продуктами.

И хотя был приказ ничего не оставлять немцам, родители-учителя, уважаемые люди, не могли ни себе, ни детям этого позволить – заниматься грабежом, ломать двери магазинов, бить стекла.

С приходом немцев наша семья уже мерзла и голодала по-настоящему. И мама с братом отправились в село менять вещи на зерно. Помню, первая вещь, за которую им удалось выменять 10 ведер зерна, был

огромный тулуп, сохранившийся со времен, когда папа, будучи инспектором Районо, разъезжал в нем по селам. Это была огромная удача: какое-то время мы продержались. Затем, несмотря на «плохие» приметы и память, в ход пошли вещи воевавших братьев. А дальше в ход пошло все: носильные вещи членов семьи, посуда, постельные принадлежности... Но с каждым разом менять становилось все труднее, приходилось уходить все дальше, а приносить все меньше. Уходили мама с братом. Брат был старше, более вынослив, но, будучи небольшого роста, он выглядел подростком. Мы, дети, получили в семье спартанское воспитание: ни минуты в постели, после пробуждения, обязательная утренняя физзарядка, закалка холодной водой до пояса, каждому свои обязанности по хозяйству. Позже «походы» брата отразились на его здоровье – стало плохо с сердцем, отекали до синевы ноги так, что он не мог ходить. Переболел гнойным плевритом, водянкой, легко простужался. Мы его еле-еле выходили. Зима 1942 г. была очень суровая. Возвращались мама с братом измученными, иногда с температурой, но отлеживались несколько дней и снова уходили. Вначале приносили пшеницу, а затем и ячмень, и сою – все, что дадут. Так они спасли семью от голодной смерти.

Мы же с папой перемалывали принесенное на самодельной ручной мельнице. Бабушка занималась хозяйством. Немцы стали интересоваться нами и нашими соседями. Когда начали угонять людей в Германию на работу, подошел мой возраст, несколько раз к нам приходили полицейские. Я же пряталась либо у родственников на Смолянке, либо на чердаке, но никто из соседей меня не выдал.

Там, где сейчас ДК им. Ленина, находился пересыльный лагерь военнопленных, а в поликлинике – госпиталь. Наши пленные солдаты располагались прямо на земле, под открытым небом в жару, дождь и холод. Жители очень жалели их. Каждый думал: «А может быть среди них мой отец, муж, брат?», но помочь ничем не могли. Охрана близко к ограде никого не подпускала. Как-то мы с соседкой подошли, наверное, слишком близко. Грянул выстрел, и я услышала прожужжавшую мимо моего уха пулю.

С приближением фронта участились бомбардировки города. Однажды, поздним вечером над нашим домом завязался воздушный бой. Мы с волнением наблюдали. Вдруг в ослепительном луче прожектора наш самолет-истребитель начал падать. У меня случилась истерика. Мама успокаивала, боялась, что могут услышать, донести – разные ведь люди. Я убедилась в этом на следующий же день. Мы с соседкой пошли на место падения самолета. Страх не было. Нам хотелось почтить память этого отважного летчика, самолет которого упал в небольшом скверике, в районе рынка «Соловки», даже не задев ни единого дома. Вокруг собрались местные жители. Были и немцы. Один из мужчин среднего возраста со злостью произнес – «Долетался, собака!» К нему тут же повернулся немецкий офицер и на чистейшем русском языке сказал: «Сам ты собака! Он выполнял свой воинский долг. А ты, почему здесь, а не на фронте! Это же твоя родина!» и мужик тут же исчез, а ведь хотел выслужиться перед немцами.

Фронт все приближался. Мы с нетерпением ждали наших освободителей.

Кто-то из медперсонала узнал и предупредил раненых о том, что немцы собираются взорвать госпиталь вместе с ними, закладывают мины. К счастью, они не успели это сделать, в спешке оставили город. Раненые же «расползлись» (легкораненых в госпиталь не брали) по дворам и домам. К нам пришли 5 человек. Мы их спрятали, замаскировали.

Всю ночь в центре города шли бои, стрельба не утихала. Рано утром в нашу дверь стали бить прикладами. Мы не знали свои это или немцы. Перепугались и молили об одном – если это немцы, чтобы они не обнаружили раненых. Когда мама открыла дверь, мы увидели капитана и двух красноармейцев. Мама повисла у офицера на шее, целовала и плакала навзрыд. Я и бабушка смеялись и плакали, а папа стал с благодарностью пожимать им руки. Их интересовали посторонние. Тут подошли и наши подопечные, представились капитану. Он поблагодарил нас, а раненым приказал немедленно идти в спецотдел.

После освобождения города мы с волнением и надеждой ждали известий от братьев. Узнали, что Всеволод жив, а на Евгения пришло извещение: «Пропал без вести». О его судьбе и об обстоятельствах его гибели мы узнали в 1951 г. от однокурсника по училищу, уроженца г. Сталино, ныне контр-адмирала в отставке Колчина Ивана Михайловича. Мы с братом в сентябре продолжали учебу. Вскоре меня и других учеников, кто был в оккупации, объявили «переростками», исключили из списков школы и направили в ПТУ. Я отказалась. Была карточная система, кто не работал или не учился, продкарточку не получал. Чтобы не «висеть» у родителей на шее, я поступила в горно-строительный техникум, объявивший дополнительный набор на новое отделение (ныне техникум «Промавтоматика»). Учебные занятия начинались с первого января 1944 г. Два месяца будущие студенты восстанавливали свой разрушенный учебный корпус. Я работала арматурщицей, ползала на коленях по этажам, вязала арматуру над пробоинами в полу-потолке, рискуя каждую минуту сорваться вниз.

На летних каникулах продолжали работать на восстановлении корпуса общежития в студгородке. На противоположной стороне находилось немецкое кладбище. Его разровняли и мы, студенты, высадили там деревья. Это был парк им. М. Горького, от которого, к сожалению, уже ничего не осталось. Зеленый уголок в центральной части города – отличное место для отдыха детей и взрослых. С болью в сердце я наблюдала, как корчевали огромные деревья, с еще мощными корнями, когда-то посаженные нашими руками.

Работали мы, полуголодные и полураздетые, совершенно бесплатно. Кроме восстановительных работ осенью помогали в течение месяца в уборке урожая колхозам и совхозам области.

В феврале 1947 г. я с отличием закончила техникум. Получила свободный диплом и в августе 1947 г. поступила во Львовский торгово-экономический институт на промышленное отделение (институт переиме-

нован в институт народного хозяйства). В 1951 г. окончила с отличием институт. Вышла замуж за кадрового военного. Переезжать приходилось довольно часто, поэтому о научной работе можно было только мечтать. А работать приходилось на любой свободной должности: старшим бухгалтером, экономистом, начальником планового отдела, кассиром, инструктором Дома офицеров по работе среди семей военнослужащих, помощником начальника финансовой службы Воздушной Армии, преподавателем машиностроительного техникума и др. И, наконец, с ноября 1994 г. до октября 2004 г. – сторожем ДонНУ на биологическом факультете. После смерти мужа я вернулась в родной город, к детям. Материальные трудности, безработица, преклонный возраст, а надо было выживать!

Ветеран труда.

Награждена медалью «Защитник Отечества».

Из-за частых смен местожительства не состояла на постоянном учете, как участник войны, и потому не получила некоторые медали, положенные ветеранам Великой Отечественной войны.

В настоящее время нахожусь на пенсии, не работаю.

ТОДОРОВА НАДЕЖДА АФАНАСЬЕВНА

Родилась 17 мая 1924 года в греческом селе Стыла Старобешевского района.

Отец мой – Коляда Афанасий Михайлович, украинец, уроженец Полтавской области. Мать – Коляда (в девичестве Жданова) Анна Трофимовна, русская.

В 1940 году я окончила 10 классов Стыльской средней школы. В том же году поступила в пединститут в Ростове-на-Дону.

Вскоре вышло постановление правительства об оплате за обучение, и я по материальным причинам перевелась

в пединститут г.Сталино. Жила у родителей моей матери.

22 июня 1941 года... Я готовилась к последнему экзамену за I курс института. Впереди каникулы... Не состоялось... Все изменилось.

Я уехала к своим родителям в село Стыла. Всей семьей мы работали в колхозе.

К осени 1941 г. мы видели наши войска, уходящие на восток. Вскоре в селе появились немцы, устанавливая, так называемый «новый порядок».

В центре села поставили виселицу, на которой повесили одного из жителей. Его не снимали несколько дней (для устрашения, видимо).

Население выгоняли на принудительные работы в поле. К работающим был приставлен полицейский-надзиратель. Если ему казалось, что кто-то плохо работает, подбегал и бил, грязно ругался.

Так я на собственной спине познала тяжесть сапога озлобившегося «полицая».

Началась кампания по отправке на принудительные работы в Германию. Вербовали здоровую молодежь, родившуюся в 1924-1925 гг.

К этому времени я познакомилась со своим будущим мужем – Тодоровым Николаем Петровичем, который сумел сбежать из фашистского плена, жил в селе Стыла у своей старшей сестры.

Он предложил мне выйти за него замуж, думая таким образом спасти меня от угона в Германию. Я согласилась ... и не пожалела никогда о своем решении. Он стал мне опорой, поддержкой, горячим защитником, заботливым супругом, а потом и любящим отцом наших детей. В 1989 г. его не стало.

В 1943 году, когда фашисты бежали все дальше на Запад под натис-

ком наших войск, мы переехали в г. Сталино. Жили вместе с его матерью в их доме по улице Ходаковского в Калининском районе.

8 сентября 1943 года население высыпало на улицы, радостно приветствуя возвращение солдат нашей армии. Город был освобожден. Началось восстановление шахт и заводов. Муж мой стал работать главным бухгалтером в организации Шахтостроймонтаж. Я ждала ребенка. 1-го марта 1944 г. родилась моя старшая дочь Тамара. Я воспитывала ребенка и вела домашнее хозяйство.

9-го мая 1945 года неповторимый голос Левитана по радио: «От советского информбюро. Германия капитулировала! Война окончена!» Это, действительно, был праздник «со слезами на глазах» (мой отец пал смертью храбрых на р. Молочной). Жизнь продолжалась.

В 1946 г. родилась моя вторая дочь – Лариса. Я теперь растила двоих детей, была «домохозяйкой». Но мысль о возможности продолжить учёбу в институте не покидала меня. В 1952 г., когда подросли мои дети, я вновь сдавала вступительные экзамены в Сталинский педагогический институт. В 1956 г., благодаря поддержке моей семьи, я окончила институт с отличием. С тех пор моя трудовая жизнь проходила в этом ВУЗе, ставшим для меня родным.

С 1987 года я на пенсии. Пользуюсь льготами, установленными законодательством Украины для ветеранов-участников войны.

КОБЗИЙ
НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА
(в девичестве Вакуленко Н.А.).

Родилась 22 декабря 1924 года в селе Некременное Александровского района Донецкой области в семье учителя.

Перед войной моя семья проживала в Луганской области. В 1942 году я закончила 10 классов в селе Марковка, Марковского района Луганской области. Мальчиков призвали на фронт, а меня и еще 10 девочек из нашего выпуска школы направили на двухмесячные курсы в г. Старобельске при учитель-

ском институте. В связи с эвакуацией нам выдали справки о досрочном окончании курсов.

В городе была паника, наши войска отступали, и я впервые в жизни увидела большое количество войск. Мы шли по обочине дороги, а по дороге шли солдаты, танки. Пришли в с. Марковка, страх охватил, так как появились немцы, итальянцы.

Нас всех, особенно молодых, гоняли на строительство дороги и уборку помещений, где жили итальянцы.

Многих угоняли в Германию. Домой к нам пришел сосед и сказал маме, чтобы она меня спрятала, так как он видел в списках мою фамилию для отправки в Германию. Мама чуть свет собрала меня в дорогу. Мы вместе с соседкой, старшей меня по возрасту, ушли из дома к сестре мамы, которая жила до войны под Ворошиловградом и работала в совхозе им. Артема. Когда мы шли, нам было очень жутко, так как видели сожженные целые улицы. Нас остановили немцы, проверили вещи, документов не было, но, слава Богу, нас отпустили и уже к вечеру, преодолев 45 км, мы пришли в Беловодск. Переночевать не пускали, боялись проверок немцев, но одна женщина сжалась и пустила переночевать в курятник с таким условием, чтобы чуть свет нас не было.

Утром мы снова увидели жуткие вещи: стояли советские танки, подбитые немцами, а на них лежали убитые наши танкисты. Видно, когда они пытались вылезти из танков, их немцы расстреляли в упор. По дороге нас останавливали полицаи, но, к счастью, удалось избежать ареста и мы пришли к тете. В совхозе немного поработали. Дядя, как позднее (после его гибели) я узнала, состоял в подпольной организации. Он первым мне сказал, что наши войска гонят немцев и скоро освободят Сталинград.

Скоро я снова вернулась к родителям.

В октябре 1942 года начались бои. Наши «Катюши» не давали покоя немцам, стрельба была и днем и ночью, и нам приходилось прятаться по подвалам. У нас был сарай, где раньше держали курей, а в нем большой подвал, и при бомбежке все соседи собирались к нам, зная, что в подвале безопаснее. Однажды я, как самая «смелая», стояла на лестнице и наблюдала, что происходит на улице, и вдруг вижу, что к нашему «убежищу» приблизились немцы с намерением бросить гранату. Я на «ломаном» немецком языке сказала, что здесь только дети и женщины (а нас было человек 20). Они не бросили гранату, ушли. А потом я впервые в жизни увидела смерть: на моих глазах расстреляли 2-х соседей. Это было так страшно.

Как сейчас помню: наше село освободили 23 января 1943 года. Это был настоящий праздник.

С 1 февраля 1943 года я работала учителем 1-4 классов, затем литработником-корректором в районной газете «Колгоспне слово» в селе Марковке. После освобождения Украины я поступила в Харьковский автодорожный институт на механический факультет. По направлению работала с 1950 г. по 1952 г. в управлении «Макстрой», затем по переводу министерства – старшим инженером отдела главного механика треста «Донецкметаллургстрой». В 1980 году вышла на пенсию. На протяжении 18,5 лет была депутатом Ленинского района.

В Донецком национальном университете работала с 01.11.1989 года по 16.08.2006 г. в должности уборщицы.

За время работы получила много благодарностей и почетных грамот. Имею медали: «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина».

Ветеран труда.

МАМБЕРГЕР ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА

Родилась 11 ноября 1925 году в городе
Владимире, тогда он был
в составе Московской области.

Училась в школе. В мае 1942 года
нас всех, кому было 16 лет, призвали на
военный завод. Он тогда назывался го-
сударственный военный завод №
521. Мы были учениками один месяц, а
потом нас распределили по цехам. Цеха
большие, станки большие, а мы ма-

ленькие, поэтому у станков работали на скамейках. Мы назывались сбор-
щиками. Что мы собирали, не говорили. Работали по 12 часов. Помню –
если один цех выполнял работу, нас в другой переводили. Хлеба нам дава-
ли на день 700-800 гр. На обед был суп, но уже без хлеба. Мы такие были
голодные, что этот хлеб съедали до обеда. Тревоги были, но мы из цехов
не уходили. Самолеты летели на город мимо нас. Может, не знали, что у
нас во Владимире есть военный завод или, может, была другая причина.

Заводской стаж составил 3 года 6 месяцев. Ушла на учебу.

Потом работала, замужество.

В Донецком Национальном университете я проработала 16 лет в
должности коменданта, гардеробщицы, уборщицы.

САВЕНКО КЛАВДИЯ ФЕДОРОВНА

Родилась 16 ноября 1925г. в селе Пристенном, Пристенского района Курской области.

До войны успела закончить 9 классов. Когда началась война, с помощью военкомата комсомольцы организовали в селе трудовую бригаду из 20 человек.

Представитель военкомата руководил нашей работой. Мы убирали хлеб в колхозе в начале войны и сеяли озимые.

Осенью 1941 года я в составе бригады из пятнадцати-шестнадцати девчат и парней отправилась под Курск копать противотанковые рвы. Там мы несколько раз попадали под обстрел вражеских танков – немцы тогда наступали. Атаки немцев прошли стороной и нашу бригаду распустили. Мы с трудом, через окружение, добрались домой.

В 1943 году Советские войска начали наступать и меня со сверстниками направили на строительство новой железной дороги Старт Оскол (станция Солнцево) – станция Прохоровка, которая в тот момент представляла очень важный стратегический объект – туда направлялись: техника, оружие, боеприпасы для наступающих войск.

Железную дорогу мы построили досрочно. Труд был очень тяжелый – практически без сна. Никакой вспомогательной техники, только наши руки. За этот труд я получила медаль «За доблестный труд» в Великой Отечественной войне.

Во время битвы на Курской дуге я работала в госпитале санитаркой. Госпиталь находился в нашем селе. Дежурили по 12-14 часов ежедневно, ночевали в палатах, питались впроголодь, но верили в победу.

Когда война закончилась, я пошла учиться в 10-й класс.

В Донецкий университет поступила работать в 1965 году на должность диспетчера. Вышла на пенсию в 1987 году.

НИКИТИНА ВЕРА ИВАНОВНА

Родилась 16 ноября 1925г. в
с. Былбасовка Донецкой области.

Во время войны жила в с. Былбасовка Донецкой области. У нас всю войну стояла передовая линия. Село переходило три раза от наших к немцам. Это было страшно. Когда наши уходили на передовую, всю ночь пели, играла гармонь, а немцы, когда шли, всю ночь плакали, как будто чувствовали приближение своей кончины. Когда наши отступали, все жители выходили и плакали, а наши солдаты кричали: «Не плачьте, мы придем».

На всю жизнь запомнился случай из того времени. Мои односельчане – десятиклассники, хотели на станции взорвать поезд с немцами, но их кто-то предал, все они были расстреляны. Это было жутко. Я их всех знала, мы учились в одной школе. До сих пор помню их лица и имена.

Немцы жили по хатам.

Мне тогда было 16 лет, а брату 14. Он был не по годам рослый, и его подозревали, что он – партизан. Мама плакала и говорила – это мой сын, ему всего 14 лет. Слава Богу, нас не отправили в Германию.

И так под страхом мы прожили всю войну. Жизнь была необычайно тяжелая, есть было нечего. Из травы мама варила похлебку, так и выжили.

И когда объявили «Победу», все люди вышли из домов и кричали «Ура, Победа!».

Поезда (тогда не было электричек) пошли вне расписания, и все молодые ребята ехали и кричали: «Ура, Победа!».

Было много всего, обо всем не напишешь, живите с миром!

Проработала в ДонГУ 15 лет. С 1965г по 1980г в должности старшего инженера ВЦ.

Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

БЕРЕСНЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА

Родилась 18 января 1926 года,
в Курской области,
село Нижнеолешаный.

Моя юность прошла пыльными дорогами Великой Отечественной войны. Рыла окопы, не раз попадала под бомбежки, трижды была ранена фашистами. В начале 1942 года была направлена в московские «Сокольники» в отряд «Мосторемтуннель», «Мостопоезд» № 461 – восстанавливали разбитые фа-

шистами мосты и туннели под Курском, Тулой и Уфой. Побывала в Забайкалье. Помнятся такие места, как Слюдянка, Шаржалгай, Култук, Улан-Удэ. Имею три медали: «За отвагу», «За доблестный труд» во время Великой Отечественной войны и «За победу над фашистской Германией». Еще имею несколько наградных знаков с удостоверением (от государства).

Эти 4 года Великой Отечественной войны в моей жизни и памяти остались на всю жизнь.

На моих глазах в начале 1942 года был расстрелян под Курском мой отец, который во время ВОВ был партизаном. Фашистами были расстреляны два моих брата, погибли две сестры.

С войны домой на родину вернулась я не сразу. В 1945 г. меня оставили восстанавливать разбитые туннели, мосты, дороги. Только в конце 1946 года я вернулась, но не в материнский дом в село Нижнеолешаный, который был разгромлен во время войны, а в отцовскую квартиру (шахтную) в Донецке. Устроилась на шахту им. Засядько разнорабочей. Проработала там 10 лет, а потом перешла в Донецкий государственный университет. Более 37 лет работала в нашем университете дежурной главного корпуса.

После Великой Отечественной войны вышла замуж, вырастила и воспитала двоих прекрасных детей, сына и дочь, которые сейчас мне безотказно помогают. Имею замечательных троих внучек, которые очень сильно любят свою бабушку, и я отвечаю им тем же. Дети и внуки знают обо всех моих делах во время и после Великой Отечественной войны, и надеюсь, что они гордятся мною. Я сейчас счастливый человек, потому что меня окружают родные и любящие сердца.

АЛЕКСЕЕВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ

Родился 2 февраля 1926 года в семье служащих в городе Донецке.

Во время войны жил в родном городе.

Отец работал в «Главхимсбыте», а управляющим был Александрович. С первого дня войны их обоих перевели на работу в военкомат, затем призвали на фронт.

В Донбассе зверствовали немцы, забирали евреев, увозили их. Я жил с матерью, и однажды к нам постучал человек, который был одет в грязную старую одежду, с палкой, согнутый, немощный на вид. Я растерялся, не знал, как с ним разговаривать. Пришла мама, тоже удивилась, почему он к нам пришёл. У нас в квартире жили немцы, и под нашей квартирой жили несколько немцев. Человек спросил, приютим ли мы его. Оказалось, что это был Александрович. Он по национальности еврей, скрывался от немцев 10 дней. С хлебом и одеждой было трудно, и я пошёл к бывшим сотрудникам отца, к соседям, собрали для него еду, одежду (никто не отказывал в помощи) и Александрович прошёл линию фронта, воевал в чине майора до конца войны.

Я был зарегистрирован немцами на бирже труда. Работал разнорабочим. Хлеба давали по 300 грамм, часто голодали, с водой были тоже перебои. Немцы разрушали наши заводы, фабрики, а при отступлении сжигали и взрывали, поэтому после освобождения Донбасса все восстанавливали этот город.

С 1943 года по 1987 год я работал кузнецом, рехтовальщиком, мастером на Донецком металлургическом заводе. С 1987 года по настоящее время работаю сторожем гаража в Донецком национальном университете.

Имею благодарности, медали: «Почётный металлург», «За доблестный труд», «Защитник Отечества».

ШПАКОВСКАЯ ГАЛИНА АНДРЕЕВНА

Родилась 11 июня 1926 г. в деревне Глоданки Витебская области.

Во время войны жила в родной деревне в Белоруссии. Немцы оккупировали территорию в первых числах июля 1941 г.

Родина и свобода! Эти возвышенные слова были на устах каждого человека. Смерть фашистам! И уже в августе, сентябре создавались и начали действовать первые партизанские группы,

отряды, которые потом объединились в бригады и соединения. Действовали подпольные организации.

На территории, где действовали партизаны, немцы появлялись редко, периодически совершали налеты, грабили население, запасались продуктами. Был такой случай. Подъехали три грузовика с солдатами и остановились посреди деревни. Оккупанты высыпали из машины и устроили «охоту» на кур и других животных. Лазали по сараям, собирали яйца, гонялись за птицей по огородам. Вокруг одного грузовика ходил шофер с винтовкой. На лужайке, может быть в полусотне метров, играли маленькие дети. Немец посмотрел по сторонам, прицелился и грянул выстрел...

Как стайка испуганных птиц разбежались в разные стороны дети. На месте осталась лежать четырехлетняя Нина. Прибежала обезумевшая от горя мать. Схватила истекающую кровью дочь. Кричала, просила о помощи. Спасите! Подошел немец, закричал и прикладом ударил мать в грудь. Она упала вместе с безжизненным телом дочери.

Партизаны действовали все решительнее, а немцы все более зверели. В декабре 1942 г. партизан предупредили, что немцы готовят очередной «рейд» по партизанским местам. Мы заранее покинули деревню, и ушли в лес. В доме Дегтяревых был больной дедушка. Последнее время уже не поднимался. Был мороз, увести его было невозможно. Надеялись, все обойдется, а когда возвратились после налета немцев, то обнаружили, что деревня вся сожжена. Дедушку Мишу вынесли на улицу, облили керосином и подожгли. Вот такие зверства творили немцы и полицаи.

Весна 1943 года выдалась трудной. Немцы вели наступление против партизан по всей территории. Готовились к отступлению и «расчищали» себе путь. Часть отряда «Матросова» попала в окружение. Бой был жестокий. Прорваться всем не удалось. Были убитые. Когда мы ночью пошли на место, где проходил бой, нам удалось найти 12 партизан. Это было ужас-

ное зрелище. На груди были вырезаны звезды, выколоты глаза, отрезаны у кого рука, у кого нога. Ночью мы их похоронили. Страшно вспомнить и поверить, но это было и об этом нельзя забывать. Так пусть же это никогда не повторится! Сколько силы, мужества требовалось, чтобы выстоять, выдюжить, не сломиться от такой ноши!

Имею юбилейные медали «Ветеран труда», «60 лет освобождения Украины» и др.

Работала учителем с 1949 по 1981 гг. В ДонНУ работала с 1981 по 1999 гг. в должности дежурной корпусов, профилактория. Общий стаж – 51 год.

ЗЕЛИНСКАЯ ЕКАТЕРИНА ТИХОНОВНА

Родилась 4 декабря 1926 года.

Во время Великой Отечественной войны я жила в п. Зеленый Клин Волоконовского района Курской области. До войны я закончила 5 классов. Школа находилась в 5 км от нашего поселка. Во время войны школа стала больницей, в ней лечили раненых солдат, поэтому нам было не до учебы. Мне было 14 лет, как и многим моим сверстникам. Время было тяжелое, суровое, рабочих рук не хватало и мы все,

как могли, помогали в хозяйстве. В колхозе были две коровы. Мы их запрягали и вспахивали поле, сеяли гречиху и косили косами. Сеяли свеклу, собирали ее, очищали, и отправляли в район.

Копали окопы по 5 км, чистили дороги. Однажды, на чистке дороги, мы увидели, как отступают немцы. На одной ноге у них был валенок, на другой – сапог, а на голове – одеяло. Вот такие они были, когда отступали. Мы, дети, видя их, прятались. Во время войны мы очень голодали, кушать было нечего, ходили по полям и собирали колоски. Очень много людей умирало от голода и холода. Зимой было очень холодно, топить было нечем, и мы ночами, чтобы согреться, прижимались друг к другу.

Война закончилась. Я уехала в город Донецк, закончила 11 классов в вечерней школе. Поступила на работу в гастроном № 13 «Донецк». Начала трудовую деятельность с уборщицы, затем освоила профессию продавца и проработала в этом гастрономе 30 лет. На пенсию вышла в должности старшего продавца. За трудовую деятельность в гастрономе меня трижды награждали знаком «Ударник Коммунистического труда» (1971 г., 1976 г., 1981 г.), а 13 апреля 1981 г. наградили орденом «Знак почета». В декабре 1981 г. наградили медалью «Ветеран труда».

На пенсии я не смогла сидеть без дела и устроилась на работу в Донецкий государственный университет вахтером (корпус № 8), и проработала еще 20 лет с 1980 до 2000 г.

ДЯКОВ ГЕОРГИЙ АБРАМОВИЧ

Родился в г. Кириет-Лунга
Молдавской области
10 апреля 1927 года.

Из пяти детей я был самым старшим на момент начала Великой Отечественной войны.

После ухода отца на войну остался за старшего. На мои плечи легла забота о младших и маме. Младшему брату было только 10 месяцев. В то время было очень трудно выживать. Кормились лебедой и прочими травами. В период военных действий помогали рыть окопы, восстанавливать железнодорожную

станцию и дорогу после ежедневных бомбежек узловой станции Бессарабка. Очень трудно было выживать в эти годы в таком возрасте. Работали по 10-12 часов, падали от усталости, но верили в победу.

С мая 1942 года до 1947 г. работал в колхозе «Большевик» с. Кириет-Лунга Чадыр-Луганского района Молдавии и на железной дороге.

В 1947-1948 годах был направлен от военкомата на восстановление Донбасса.

В Донецком национальном университете работаю с 1983 года и по настоящее время сварщиком и слесарем.

Имею медали: «Защитник Отечества», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.», памятный знак «50 лет Освобождения Украины».

ЛЕФТЕРЕНКО ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА

Родилась 16 июня 1927 года.

Оккупация

Память хранит детские переживания, страдания, хранит все то, что видели, слышали, хранит атмосферу давно минувших дней.

Мне было 14 лет. Было тихое осеннее утро. Мама шепталась о чем-то с соседкой. Их лица были очень встревожены. Я услышала слово «солдатики». Мне стало любопытно узнать, что с ними?

Дело в том, что накануне в клубном дворе (с. Новотроицкое Донецкой области) остановились пехотинцы и конница – наши защитники,

красноармейцы. Мы подростки, успели подружиться с ними, разговаривали, обменивались адресами, желали друг другу успехов, удачи и, конечно, победы. Но в это тихое осеннее утро мальчишки и девочки не встретили ни одного солдата в клубном дворе. Ушли. Зачем? Тревога старших передана нам, детям. Было до слез жалко, что ушли наши солдатики, так хотелось помочь им, так хотелось знать, что же будет? О том, что враг будет на нашей земле, никто не предполагал.

Вспоминается первая встреча с врагом.

За питьевой водой мы ходили к роднику. Надо было переходить шоссе, которое соединяло Сталино – Мариуполь. И вот на этом шоссе мы издали увидели большую колонну мотоциклов, машин и еще какой-то военной техники. Колонна была длинная зловещая. Нетрудно было догадаться, что это не наши, чужие. Этот момент я никогда не забуду. Это был шок для нас. Страх, который охватил нас (меня и моих подружек) забыть нельзя, да и не надо забывать. Мы думали не о себе, а о наших защитниках.

Бросили ведра и через огороды бегом домой. Дома сидели притихшие, испуганные, растерянные домочадцы (мама, бабушка, дедушка, сестричка и братик).

Вот так и началась нелегкая жизнь в оккупации. Запасов никаких. Как выжить?

Вера в то, что это временное явление объединяла людей. Люди помогали друг другу во всем. Было страшно, завоеватели нагнали, каждого подозревали, не разбираясь, расстреливали.

Я никогда не забуду тот случай, когда на моих глазах расстреливали

двоих молодых парней. Где они (немцы) их взяли, за что убили – не знаю. Такие случаи повторялись и повторялись, слухи распространялись.

Но жизнь продолжалась, и надо было выжить, пока враги топтали нашу землю. Надо было держаться. Люди не покорялись. Помню одну бабуся из с. Новотроицкое. У нее немец забрал курицу, которую она прятала в сарае, так женщина не испугалась немца, а бежала за ним следом и громко проклинала. Это выглядело смешно, печально, позорно. Проклятия бабуси передавались из уст в уста, восхищая всех, вдохновляя не сдаваться.

Много голодных бродило тогда по полям и дорогам в поисках чего-то съедобного. Многие предлагали обменять какие-то вещи, предметы на еду. И люди обменивались, помогая друг другу. Никто не отказывал никому в ночлеге, воде, делились, чем могли.

Помню, моя мама собрала какие-то вещи и пошла вместе с тетей Сашей, у которой четверо детей, в село за 25 км от Новотроицка поменять эти вещи на картофель. Обмен состоялся. Каждая получила по мешку картошки. Какая радость! Но эту радость (мешок 40-50 кг) надо взвалить на плечи и нести далеко-далеко. До самого дома донести не смогли, не хватило сил. Одна осталась на дороге с мешками, другая пошла в село за тачкой. Тачка была единственным видом транспорта, а владельцев тачек было мало. Но наши люди не отказывали в помощи друг другу.

Нашли тачку, привезли картошку, но моей маме дорого это обошлось. Она заболела острым воспалением почек. Ее страдания, стоны, крики до сих пор звучат в моих ушах. Добрые люди не оставляли меня – 14-летнюю, сестричку и братика в беде. Соседи, знакомые помогали маме подняться. Кто приносил молочко, кто сахарок из старых запасов. Никогда не забуду Рощина (нашего соседа) и его жену тетю Анну. Вечная им память!

Тачки тащились по селам и городам с белой глиной (как бы плохо ни было, а печку побелить надо), с солью, с килькой и т.д. У кого не было тачки – тот тащил на плечах из Мариуполя соль, кильку и др. Никогда не забуду ведро соленой кильки, которую мама притащила на плечах из Мариуполя. Она выдавала нам по несколько штук. Нам казалось, что более вкусного на свете нет. Вместе с моей мамой было много женщин, таких как она, которые думали о том, как спасти детей от голода. Вечная слава нашим мамам.

Как-то мой дедушка, который жил в Каракубе, повез на тачке белую глину в с. Николаевку. Там его окружили женщины с узелками (семечки, кукуруза и др.). Разговорились, вспомнили, как дружили селами, как помогали друг другу. Вспомнили добрые дела моего прадеда и деда. Дедушка вернулся домой с узелками и был очень горд тем, что добро не забывается.

Он очень верил в победу и об этом открыто говорил всем – «эти люди чужие, они здесь временно, опасайтесь их», на что бабушка с тревогой говорила – «язык твой – враг наш накличешь беду на нашу голову».

Но страх не парализовал наших людей. Даже моя бабушка, всегда тихая, молчаливая, осторожная, подала голос, когда немцы обнаружили и

забрали теленочка, которого она прятала в кукурузе. Она кричала и призывала к совести. Было горько и обидно.

Люди не покорялись, независимость людей настораживала врага.

Настоящей трагедией для нас, подростков, и настоящим горем для всех стало убийство нашего любимого учителя географии Акрытова. Его схватили в пути и расстреляли. Осталась его жена Акрытова – моя первая учительница, и двое ее девочек.

Горе объединяло людей и это предвещало врагу поражение.

Люди держались, работали много. Там, где можно было, сажали тыкву, кукурузу, подсолнух и другое. (1943 год был особенно щедрый на урожай) Помню, мы с мамой пошли в поле собрать кукурузу, надо было связать ее в вязанки и унести домой. В это самое время над нами начался воздушный бой. Забыть нельзя этот зловещий гул, вой, свистящие пули. Мама накрыла меня собой, мы подняли головы только тогда, когда самолеты удалились, преследуя друг друга.

В поле мы ходили не только за урожаем, но и за топливом. Собирали бурьян, связывали его плотно, сваливали на плечи и тащили домой. Труд изнурительный, но нужный, только так мы могли зимой иногда согреться.

В такой атмосфере росли и закалялись дети войны.

С приходом освободителей начинается новая жизнь, новая страница истории, но страшные последствия войны предстояло преодолевать самим, не забывая о тех, кто погиб за свободу.

Победа 1945 года – исторический подвиг нашего народа, наша гордость. Тогда, после победы, все верили в то, что войны больше никогда не будет, наступит вечный мир между всеми народами, казалось, что все поняли, что война – это худшее, что придумало человечество.

Работала в лицее ДонНУ.

Имею награды.

КРЕТОВ ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ

Родился 22 октября 1927 г. в Курской области Фатежского района, хутор Веселый в семье крестьянина.

Война застала меня 14-летним мальчишкой. Все взрослое мужское население ушло на фронт, остались дети, женщины, старики. Когда пришло распоряжение из г. Курска вывезти срочно скот в другие города, я вызвался в числе других. Мы пешком из села до станции, почти 40 км, гнали коров. Дважды нам повезло, немцы не

нападали, а в 3 раз обстреляли. Было очень страшно, прятались за скот и за деревья. Прибыв на станцию, помогли загрузить скот в эшелон, состоящий из 90 вагонов, и поехали в Москву. На Казанском вокзале простояли в тупике 5 суток, потому что сначала отправляли на фронт солдат и боевую технику. Еды никто не давал, хорошо, что мать и соседи дали кое-что, а так не знаю, как бы мы жили. Наконец поезд тронулся, ехали мы 1,5 месяца. Было очень трудно, постоянные обстрелы, остановки, спали в вагонах со скотом, но держались стойко. Хотя нас, подростков, никто не удерживал, мы не хотели, чтобы скот достался немцам, и держались до конца.

Приехали в Прокопьевск, сдали скот. Потом нас направили в училище Ф30, где учились до 1943 года, а потом остались работать на шахте им. Ворошилова. Я был машинистом электровоза, горным мастером, начальником участка. В 1949 г. переехал в Свердловск Ворошиловградской области, а в 1966 г. – в г. Донецк, где по 1984 г. работал на шахте.

С 1984 г. по 2006 г. работал в Донецком национальном университете в должности электромонтера отдела главного энергетика. Имею много благодарностей, медали: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Шахтерская слава II и III степеней», юбилейные медали.

**РЕВА
НАДЕЖДА НИКИФОРОВНА
(девичья фамилия Коваль)**

Родилась 17 декабря 1927 году в с. Ефремовка Акимовского района Запорожской области

В связи с неурожайным 1933 годом и засухой почти все мои родственники переехали в Донбасс. Там с питанием было получше. На предприятиях и заводах были организованы столовые, работающим выдавали пайки.

Мы проживали сначала в Макеевке, Моспино, а затем с 1936 г. и до 1947 г. в Велико-Анадольском техникуме.

Наша семья состояла из семи человек – пять девочек и родители. В начале войны немцы наступали настолько стремительно, что семья не смогла эвакуироваться и осталась в Велико-Анадоле.

Боевых действий у нас не было. Во время оккупации действовал сельский совет в с. Благодатное (3 км от нас). С приходом немцев, преподаватели, которые не смогли уехать, прятались. Предатели выдали члена партии, историка Иваницкого, дальнейшую судьбу которого я не знаю.

После ухода нашей армии часто бомбили железнодорожный узел Волновахи, что в 12-и километрах от нас.

Иногда с самолетов разбрасывали листовки.

После отхода советских войск, а это было осенью, люди остались наедине со своими бедами. На прилегающих полях собирали кукурузу и все, что там было, жили на самообеспечении. На станции Великий-Анадоль горел элеватор с пшеницей. Люди выбирали обгоревшую пшеницу и обеспечивали себе дальнейшее существование.

Началась жизнь «первобытных» людей.

Во время оккупации немцы забирали весь скот, у кого он был.

Отправляли молодежь в Германию. Желающих было мало, прятались, где могли. Благодаря сельскому совету это проходило не очень напористо.

После освобождения Донбасса сразу восстановил работу наш техникум – учебное заведение, выпускающее специалистов лесного хозяйства. Сотрудники и студенты своими силами проводили благоустройство техникума. Не обошлось без жертв. При ремонте электросети трагически погиб Трушенко Коля.

Было тяжело с питанием. Запомнился случай, когда студент «позаимствовал» у товарища кусок хлеба, об этом узнали. Парень не вынес позора

и повесился.

В первое время в техникуме не было ни тетрадей, ни чернил. Тетради заменяли старые книги, в которых между строк писали конспекты, а чернила делали из галл-дуба и гвоздей, получалась настоящая тушь.

Жизнь налаживалась, излишеств не было, но мы, молодые, были счастливы.

После окончания в 1947 году техникума выпускники разлетелись по всей Украине. По распределению хозяйства я была направлена во Львовский «Лесопроект».

Каждый специалист должен был отработать по распределению четыре года, это было очень строго.

В Западной Украине работать было очень тяжело. Деятельность наша была связана с учетом и содержанием лесного хозяйства. Русскоязычных специалистов бендеровцы предупреждали покинуть данную территорию в течение 24 часов. Жертв, к счастью, не было. Мы старались вести себя уважительно по отношению к местному населению, проводили активную общественную работу, помогали, чем могли.

В то время бендеровцы действовали жестко по отношению к русскоязычному населению – к должностным лицам, специалистам: врачам, учителям. Своими глазами видела убитых бендеровцами учителей, врачей в г. Новоярычеве. Броды – логово бендеровцев. Двоюродный брат моего мужа, который работал в органах во Львове, был расстрелян. Осталась сиротой долгожданная дочь.

В ДонНУ проработала с 1965 по 1982 г. в должности зав. лабораторией кафедры ботаники, ст. н.с. НИЧ.

ЗАБЛОЦКИЙ АРСЕН ЯКОВЛЕВИЧ

Родился в семье крестьянина
8 марта 1928 г. Курская область,
Тимской район, село Волобуевка.

После смерти отца в 1933 году
приехали в Донбасс. Станция Ханжен-
ково, Макеевский район, Донецкая об-
ласть. Сейчас г. Макеевка, Советский
район, Донецкая область.

В 1941 г. началась Великая Отече-
ственная война. Наши войска отступа-
ли. Немецкие оккупанты вошли в Донецкую область и стали нагло хозяй-
ничать на нашей земле. Дончане как могли сопротивлялись оккупантам.

Молодежь насильно отправляли в Германию. Кто не хотел уезжать –
прятались, кто где мог.

В 1942 году меня ночью забрали в полицию. Немцы проводили обла-
вы с помощью полицейских. Набрали нас, пацанов, по 14-16 лет (мне было 14)
больше сотни. Ранним утром из Ханженково нас погнали в Макеевку на
железнодорожную станцию, хотели отправлять в Германию. Мы, голодные
и без воды, думали: «Ну, все, прощай дом, мама и вся семья».

Целый день нас никуда не пускали. К вечеру погнали по Макеевке на
Ивановку. Через дорогу был лагерь, обнесенный колючей проволокой, там
уже были пленные. Построили в шеренгу и переписали фамилии. Загнали в
помещение, где, кроме соломы, ничего не было, солома и цементный пол
были нашей постелью. Утром, перед работой, дали какую-то баланду и ку-
сочек черного, как уголь, хлеба. Я решил, во что бы то ни стало бежать. На
мое счастье через несколько дней пошел дождь, а ночь выдалась темной. Я
подполз к «колючке», руками подгрел землю и ушел. Бежал быстро, но ох-
рана услышала и открыла по мне пальбу из винтовок. Одна пуля попала в
правую ногу. Некоторое время еще бежал. Но скоро силы покинули меня,
и я упал в какую-то лужу воды.

Было очень темно и мне показалось, что ногу оторвало. Лежал до рас-
света. Дождь прекратился, я попробовал встать на ногу, но тут же упал.
Пролежал не знаю сколько – было уже светло. Я пополз дальше. Куда
ползти – не знал. Знал одно: подальше от лагеря. Смочил рану собствен-
ной мочой. Встал, преодолевая боль поковылял дальше. Снова упал, и не
было сил двигаться дальше. Отлежался на солнцепеке и решил добраться
до железной дороги, чтобы уехать куда-нибудь от дома. Домой если вер-
нусь – расстреляют. Многие знали, что меня угнали в Германию, а оттуда
еще никто не возвращался.

Товарными поездами приехал на станцию Гришино (Красноармейск). Город был полуразрушен. На всех улицах глубокие воронки от бомб. Советские войска громили немцев с воздуха. Много было листовок. Писали, что «скоро освободим наш город».

Недалеко от Красноармейска располагалось село Сергеевка или Словянка. Не помню, где я, ковыляя, стал просить кусок хлеба. Выпросил к вечеру кусок макухи и кусок буряка. Это был мой дневной рацион.

Вернулся в г. Красноармейск. Нашел железнодорожный вокзал. На вокзале искал надписи на вагонах с указанием пути движения. Немцев было много, но на меня мало кто обращал внимание, я был маленького роста, голодный и худой, похожий на умирающего. Доехал на товарных эшелонах до станции Ясиноватая. В Ясиноватой поменяли бригаду поезда, и вскоре товарняк повез меня дальше. Через сутки был в Ростове-на-Дону. Проехали Дон нормально. В Батайске увидел много железнодорожных путей и товарных составов. Долго ходил, читал, куда будет отправлен тот или иной состав. Немцы стали обращать внимание на меня, и я, не зная, куда идет эшелон, сел на буфер вагона и с пересадками приехал на станцию Тихорецкую. Недалеко от станции зашел в одну деревушку. Первое, что меня волновало – есть ли в деревне немцы, а второе, где найти кусочек хлеба. Зашел в одну хату, попросил милостыню. Хозяйка хаты, женщина средних лет, накормила меня и дала на дорогу две лепешки, очень вкусные. Однако, один полицай предупредил меня, чтобы я убирался из деревни, и я вернулся на вокзал станции Тихорецкая. В углу, в помещении вокзала, ночевал. Полиция дважды подходила, на требование предъявить документы я отвечал, что документов не имею, приехал из Ростова, и они меня не забирали. Нищий есть нищий. Какие могут быть документы у такого ребенка как я?

Днем немцы вместе с полицаями делали облаву, забирали всех подряд, взрослых и детей. Когда набрали много нашего брата, погнали, не знаю куда. Один полицай пнул меня, я упал и остался лежать на дороге, а толпу людей погнали дальше.

Снова вернулся на железнодорожный вокзал, сел на буфер вагона и поехал в сторону станции Кавказская. Не доехав до станции, отчетливо слышал выстрелы орудий, очевидно, близко был фронт. Пришлось вернуться назад.

Так я бродил по Кубани и другим станциям до 1943 года, пока не освободили станцию Ханженково от немцев. Как только изгнали фашистов из нашей области, я сразу поступил на Ханженковский коксохим завод учеником слесаря. Завод был полностью разрушен. Каждый рабочий, переполненный радостью освобождения, работал, сколько было сил, а приходилось работать сутками, без перерыва и отдыха. В начале октября 1943 г. получили передвижную электростанцию и электросварочный аппарат. Начальник цеха Леонид Галаган перевел меня в ученики эл. сварщика. Мне очень нравилась эта профессия. Не было сварочного щитка, из фанеры сделали щиток, стекло коптели на дыму. Каждый день болели глаза,

так как копоть пропускала инфракрасные лучи от сварочной дуги. В глазах чувствовал резь, как будто в них песок насыпан. Электродов для сварки не было. Я ходил на мельницу и собирал рассыпанную муку, которой в смеси с «гумирабиком» мазал электроды, и это было нормально. Сердюк Григорий Иванович – мой учитель, часто ругал за то, что плохо обмазал проволоку для электродов. Все же я освоил электросварку и скоро стал подменять Григория Ивановича. Когда мне присвоили разряд, то дали 5 человек помощников – беспризорных детей по 10-12 лет. Дети вместо приюта попали на коксохим завод. Среди детей был мой любимец Леша. За железнодорожными путями был рынок, и мои помощники часто отправлялись на рынок. Я, сам еще ребенок, разрешал им уходить. Они возвращались ко мне на завод. Однажды пошли на рынок и не вернулись. Начальник пожурил меня. После ухода в качестве ученика мне прикрепili одну женщину, лет сорока-пятидесяти, дескать, Арсен, обучи ее электросварке. Женщина побыла 2 дня, насмотрелась на электро-дугу (глаза покраснели) и оставила свое учение. Быстро восстанавливали завод. Из десяти коксовых батарей запустили 2 батареи, и кокс стали выпекать, как положено. Но нужно было подремонтировать коксовыталкиватель, а у него много сломанных зубьев и мне пришлось сутками не выходить из завода, наваривать зубья на коксовыталкиватель. Закрепили за мной одного парня, на 2 года старше меня. Мне 15 лет, имел уже 6-ой разряд сварщика, а ему исполнилось 17 лет. Он очень хотел преуспеть в освоении профессии, чтобы уметь варить, как я. Сварочных аппаратов больше на заводе не было, и он продолжал работать со мной. Однажды, работая в дробильном отделении, я совершил оплошность, и меня перевели временно грузить в открытые вагоны кокс. Грузчики были все женщины. Мне в напарники попались женщины лет 20. Носилки с коксом для меня были большой тяжестью. Пробовал ходить с носилками первым – не получилось. Первому нужно приподнять носилки, а затем поднимает задний. Работали без денег, получали 1 кг хлеба и разовое питание. Моя напарница Тамара Яндовна показала, как правильно поднимать носилки с коксом.

Завод получил еще один электросварочный аппарат, и я снова стал электросварщиком. Работал, как и все – на победу. Администрация завода часто давала мне в виде премии подарки: ботинки, продукты. Однажды наградили меня маленьким поросенком, кг 3-4. Свинку нужно было кормить и где-то содержать. Жила она вместе с нами, а мы жили в одной комнате 15 м². И, наконец, пришла Победа!

Награжден медалями: «30 лет Советской Армии и флота», «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет освобождения Украины», «Захисник Вітчизни», «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда».

В Донецком госуниверситете работал в 1995-2000 гг. электрогазосварщиком 6 разряда.

ЧИБАРЬ МАРИЯ АРХИПОВНА

Родилась 19 марта 1928 года в селе
Марбуда Ямпольского района
Сумской области

Во время войны жила с родителями и в свои 13 лет работала в колхозе разнорабочей. В селе хозяйничали немцы, и многие жители ушли в партизаны, а кого-то немцы забрали в Германию. Слава богу, я по возрасту была оставлена в родном селе. Часто бомбили, было очень страшно, прятались по подвалам, неделями из них не вылазили, есть было нечего. Наши войска 25 сентября 1943 года вошли в село и освободили нас. Всех жителей: женщин, стариков, молодежь направили на восстановление железной дороги, разрушенной боями. Мы работали кирками, тачками вывозили мусор, работали по 18 часов, но никто не жаловался, так как война продолжалась. Жили в бараках, спали на соломе. С питанием было очень трудно, выдавали паек, а иногда только картошку. Так мы работали до декабря 1943 г. В декабре в сельсовет поступило распоряжение направить всех в леспромхоз на вырубку леса. Нужны были дрова для отопления почты, больницы, школы. Мы не считались с усталостью, болезнями, старались как можно больше добыть дров. Работали пилами, руки постоянно сбиты, усталость одолевала, но мы думали, что другим еще труднее, ведь фашисты еще были на нашей советской земле. Хлеба не было, посевного материала тоже.

Весной 1944 года на станцию привезли посевной материал – рожь, пшеницу. А для подвоза не было лошадей, и мы по 16 кг на спине 12 км несли к себе в село рожь и пшеницу, чтобы посеять. Тракторов не было, и мы лопатами сначала вскапывали поле, а потом под лопату и сапку сажали (сеяли), затем ухаживали, получили урожай и вволю поели хлеба. В стране разруха. Постепенно восстанавливали колхоз, при этом все работали бесплатно и работали с удовольствием – верили в победу и лучшую жизнь.

В 1950 году завербовалась на работу по восстановлению шахт Донбасса. Меня направили на шахту «Ливенка» откатчицей. Работала на других шахтах рукоятчицей, разнорабочей. С 1985 по 2003 гг. я работала в Донецком национальном университете в должности дежурной.

Сейчас я ветеран труда, участник войны, нахожусь на пенсии. Имею медали: «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Захисник Вітчизни».

МИХЕЕВА ТАТЬЯНА СТЕФАНОВНА

Родилась 29 сентября 1928 года в
станции Новоалексеевская
Курганинского района
Краснодарского края.

В Краснодарском крае прошло мое детство. Там я вступила во взрослую жизнь, а взрослыми представители нашего поколения стали очень рано. Великая Отечественная война началась, когда мне еще не исполнилось и 13 лет.

После окончания пяти классов школу пришлось оставить и наравне со взрослыми идти работать. Так поступили все мои сверстники, потому что так мы были воспитаны. Работали по 12-14 часов, а вернее, – от зари до темна, а летом и сутками. Мужчины все на фронт ушли, остались женщины и дети. Забрали на военные нужды всю технику, лошадей и нам приходилось делать все вручную. И делали, потому что нужно было кормить армию. Себе почти ничего не оставляли – все для фронта, все для Победы, в которую свято верили, несмотря на то, что наши войска отступали. То, что будем в оккупации, ощущали все. Мы помогали нашим бойцам рыть окопы, делились едой, хотя самим было трудно – на заработанный трудодень ничего не давали, все отправляли на фронт. Все это понимали и ничего не требовали. В оккупации мы были недолго. В августе 1942 г. фашисты пришли, а в январе 1943 г. отступили. В станицу немцы вошли быстро и без боев, а вот когда наступали наши, фашисты отчаянно сопротивлялись. Потери были большие с обеих сторон. При отступлении оккупанты угоняли скот, забирали все, что под руку попадало. После окончания боев и отступления нужно было убрать трупы, как своих, так и оккупантов, а их было очень много. Рыли братские могилы, хоронили своих, хоронили и немцев, только отдельно и по-разному.

Школу пришлось отложить до лучших времен, потому что нужны были рабочие руки. Закончила 7 классов вечерней школы уже после Победы.

В 1945 г. меня наградили медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», хотя мне еще не исполнилось и 17 лет.

В 1972 году я поступила в ДонГУ. Работала в 4 корпусе дежурной, подменяла коменданта. В 1983 году, когда уходила на пенсию, меня наградили медалью «Ветеран труда». Я продолжала работать и после выхода на пенсию. Награждена медалями: «40 лет Победы в Великой Отечественной Войне», «50 лет Победы», «50 лет освобождения Украины», «Защитник Отечества», «60 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг.».

КИРИЛЛОВА НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА

Родилась 17 ноября 1928 г. в
селе Черниговка
Черниговского района
Запорожской области.

Во время Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 гг. проживала по месту рождения. В эти годы работала на сельскохозяйственных работах: на тракторе стояла за сеялками – сеяла зерновые, полола овощные и другие культуры. После созревания зерновых работала у веялок – веяла зерно. За комбайном собирала солому и грузила на гарбы. С обмолоченной пшеницы вязала снопы и укладывала на сушку. Было очень тяжело, работали с раннего утра до поздней ночи. Верили в победу над фашистами.

В начале 1945 г. переехала в г. Донецк. Окончила биологический факультет Харьковского Госуниверситета. С 1965 г. работала в Донецком госуниверситете на биологическом факультете ст. лаборантом, ассистентом, заведующей учебной лабораторией кафедры зоологии.

В 1988 г. уволилась в связи с выходом на пенсию.

Я ветеран Великой Отечественной войны и труда. Награждена медалью «За доблестный труд», имею благодарности.

МОСКАЛЮК

МАРИЯ ДЕНИСОВНА

Родилась 15 декабря 1928 года в
селе Ямполе
Катеринопольского района
Киевской области.

Во время войны я принимала участие в разных работах вместе с подростками нашего села.

В зимнее время я чистила снег на дорогах.

Часто носила еду советским пленным, которые находились в лагере за три км от нашего села. Всегда от страха сердце замирало, когда немцы прогоняли нас, подростков, и кричали, что всех расстреляют.

Когда советские войска прогнали фашистов, все подростки ходили в поле и работали вместе с мамами. Нам давали норму – 50 соток земли каждому, и мы занимались прополкой свеклы, кукурузы, подсолнуха, а осенью помогали убирать урожай.

Работала на току, веяла зерно для отправки на элеватор наравне со взрослыми.

Осенью нашу малолетнюю бригаду посылали в поле на разные работы: собирать початки кукурузы, срезать подсолнухи, чистить свеклу от ботвы. Техники никакой не было, был исключительно ручной, тяжелый труд.

Имею рабочий стаж 43 года. Из них 15 лет проработала в шахте под землей – рукоятчицей, плитовой.

Награждена медалями:

«Защитник Отчизны»

«За доблестный труд»

«50 лет Победы в Великой Отечественной войне»

«60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

В ДонНУ проработала 8 лет с 1996 по 2004 гг. в должности уборщицы.

ДЕБЕЛЬИЙ АНАТОЛИЙ ЕВГРАФОВИЧ

Родился 23 июня 1929 года
на Слобожанщине в с. Крестище
Краснодарского района
Харьковской области.

Завтра мне 12 лет, а сегодня, 22 июня 1941 года, началась война. Руководством СССР объявлено о нападении Германии на нашу страну. Война! Какое-то душевное потрясение, холод. Первый день только об этом и говорили, предполагали и прогнозировали будущее, но больше всего о том, что война долгой не будет, в теплое время

года закончится, это не то, что в финскую. Наша армия сильна и организована, как никогда, и враг будет разбит, победа будет за нами.

23 июня началась мобилизация в Красную Армию.

Мой отец, Дебельий Евграф Павлович, 1906 года рождения, был призван 14 июля 1941 года. Это был последний призывной возраст.

Оставшиеся солдаты, мужчины, не подлежащие мобилизации, стали работать еще больше. Работали на посильных работах и мы, дети. Шла уборка зерновых и их обмолот, урожай был отменный – 35-37 центнеров с гектара. Я это знаю, потому что с раннего утра до позднего вечера я возил зерно от молотилки на колхозный ток на специальной подводе – безтарке (1700 кг – одна безтарка). Заезжаешь прямо на зерно, открываешь специальный затвор – и зерно высыпается, но килограммов 500-700 остается, его выгружаешь вручную. Идет быстрыми темпами уборка урожая, намолоченное зерно свозится на колхозный ток, а оттуда – на склад «Заготзерно». Работа идет днем и ночью. По ночам режут немецкие бомбовозы, бомбят наш любимый город Харьков. Потом начали летать и днем.

3 июля 1941 года слушали обращение Сталина ко всем гражданам СССР о действительных событиях начавшейся войны с Германией. Он призвал к борьбе с фашизмом всех советских граждан. Был митинг. Несколько сельчан выступили с пламенными речами и призывами еще лучше трудиться, работать и за тех, кто ушел на фронт.

Время шло, но события были неутешительными. Враг топтал советскую землю. Начали в село прибывать беженцы. Время стало смутное. Действовали диверсанты. Горели склады хлеба. По непонятным причинам выходила из рабочего состояния техника.

Отлавливали немецких парашютистов. Было много дезинформаторов, шпионов, упитанных и подстриженных под машинку, в форме красно-

армейцев, изображающих отступающие части Красной Армии. Селян убеждали не сдавать хлеб государству, не угонять колхозный скот на восток, не отправлять сельскохозяйственную технику – тракторы, комбайны, молотилки и др. Весь оставшийся в колхозе скот – свиней, овец, лошадей – взяли угнать на восток оставшиеся в селе мужики, не мужчины, а мужики. Ситуация, вероятно, продумана и согласована. Все тщательно готовится, режут свиней и овец, мелют колхозное зерно на муку, выгребают все из колхозных амбаров, объясняя, что это будет им пайком в дороге. В действительности, растащили все по своим домам. Остатки стада выгнали за три километра, ожидали там прихода немцев. Спустя некоторое время, они начали трудоустраиваться – кто старостой, кто бригадиром, кто полицаем, заведовать маслобойней, начальником хоздвора и пр. Все нашли себе уютные гнезда и начали править бывшим колхозом, назвав его теперь громадским двором № 25. В соседнем селе все колхозное, в том числе и землю, разделили между всеми крестьянами.

Фашистская оккупация приближалась. Все реже попадались повозки беженцев, все чаще пролетали стаи немецких самолетов в сторону Харькова. Уже отчетливо слышался грохот орудий, но организованного отступления не было. Как-то зашел к нам во двор красноармеец, попросил покушать. Моя мать накормила его, чем могла. Вид у красноармейца был удручающим. Душевное состояние подавлено, давно не брит, обмундирование грязное, пилотка в своей нижней части от пота и грязи блестит чернотой, обут в ботинки с обмотками, карабин образца 1891-1930 года, ремень карабина разорван и связан узлом, на боку патронташ. Я спросил, есть ли у него патроны, он ответил, что есть две обоймы и показал их мне. Мать поинтересовалась, почему он один и где остальные бойцы. Он ответил, что уже где-то здесь, недалеко, попали в окружение. Ночью ему да еще несколькими бойцам удалось вырваться, да вот разбрелись, кто куда.

Прошли последние отступающие. Спустя час или два в село въехали на велосипедах какие-то военные с неизвестным нам стрелковым оружием через плечо. Это были немцы с автоматами «шмайсер».

17 сентября 1941 года началась оккупация. Войдя в село, фрицы сразу занялись любимым делом – грабежом. В сараях отлавливали кур, заходили в первую попавшуюся хату и заставляли женщин потрошить и жарить им жратву, именно жратву, а не еду (так цивилизованные люди не едят). Нагреб в курятнике фриц яиц целую пилотку, бьет их о дерево и жадно выпивает – вся морда в яйцах. Сам видел.

Дальше нашего села они не поехали. Бегают по хатам: «Матка млеко, яйки, яблоко – давай, давай». Шарят везде, женщин заставляют доить коров по несколько раз. Один фриц принес к нам гуску, где-то стащил, и заставил мать потрошить ее и тушить. Только стало попахивать жареным, немец потребовал вынуть гуску и полусырую сожрал за один присест, а там было, наверное, килограмма четыре. В те годы и им в «Фатерлянде» жилось не сладко, и только начав грабить Украину, они наелись досыта. Таскали крестьянских коров и свиней поближе к кухне, резали их в неог-

раниченном количестве и ели мяса столько, что диву даешься. Немцы, которые стояли в нашем доме, приносили котелки с полевой кухни, в которых были килограммовые и более куски мяса.

По всем дорогам движутся бесконечные вереницы немецких войск: пешком, на автомобилях, на военных повозках, запряженных такими лошадьми, что я никогда не видел. Огромные, наверное, более тонны весом каждая, лошади-тяжеловесы уверенно тащили по непроходимой грязи военные грузы, пушки, какие-то невообразимые сооружения на огромных резиновых колесах, а также передвижные зенитные пулеметные установки. В сооружение впряжены по 2-3 пары лошадей. Говорили, что этих лошадей немцы позаимствовали у венгров.

С первых же дней оккупации я услышал слово пан, теперь был «фриц»- пан, староста «громадского» двора-пан, десятник-пан...

Бывшие колхозники, да и мы, детвора, все светлое время суток бесплатно выполняли сельскохозяйственные работы. Также постоянно работали на расчистке дорог, по которым двигались как на восток, так и на запад, немецкие войска. Да, да и на запад. После Сталинграда, а потом и Курской дуги через Красноград бежали какие-то вражеские части, чаще это были румыны. Они бросали фронт и уходили на запад. Проходя мимо, они дотошно обшаривали наше домашнее имущество, забирали зерно, скот, кухонную утварь, извлекали из русских печек казаны, содержимое их съедали, а вещи сбрасывали в повозку. Но не всем из них удавалось уехать далеко. Временами в селе появлялась немецкая полевая жандармерия и под конвоем всю эту ораву вояк отправляли на передовую.

На очереди новая беда – начинается «отлов» полицией девушек и парней для отправки на принудительные работы в Германию. Подлежат отправке все лица старше 17 лет, не состоящие в браке. Наблюдается хождение по селу девушек, одетых в украинские одежды с вышитыми рушниками, навешенными на сложенные на груди руки. Вдвоем с дружкой приглашают родных, близких, знакомых: «Просили тато й мама та і я прошу, приходьте до нас на весілля»... Обвенчавшись в сельской церкви (до оккупации села это был сельский магазин), эта крепкая оккупационная семья имела право на существование, не опасаясь, что ночью тебя схватят полицаи и отправят «добровольно» на каторгу. Многие девушки, молодые женщины, не бывшие замужем, да и некоторые замужние, проводившие мужей на фронт, и не надеявшиеся на их возврат с этой страшной войны, принимали себе «приймаков», как бы заключая с ними семейный союз. В этом случае опасность отправки «добровольно» на работы в «Фатерлянд» исчезала. Кто такие «приймаки»? «Приймаки» – это крепкие ребята – бывшие солдаты Красной Армии, попавшие в плен к немцам и бежавшие из плена, а также попавшие в окружение и разбредшиеся кто куда.

Пришла весна 1942 года. Слышно о наступлении Красной Армии под Харьковом. Едут повозки с семьями полицаяев, удирают от наступающих советских войск. Спрашиваем, куда едете, говорят – не знаем, нам сказали ехать в сторону Полтавы. И вот наступает жуткая тишина. Те ушли, наши

еще не пришли, вакуум власти. На улице брошены два автофургона. Сельский староста, чтобы показать свою лояльность к односельчанам, вскрывает фургоны и раздаривает немецкое имущество, как раньше разбазаривали колхозное добро. Он решил, что вот-вот придет Красная Армия, но пришли немцы и... расстреляли его.

Запомнился мне случай с выходцем из нашего села по фамилии Редько. Он проживал в с. Берестовенька, что в 10 км от родного дома. Будучи начальником полиции с. Берестовенька, он расправился с односельчанами-коммунистами Колесняком Артемом и Хмарой Иваном, которые до последнего занимались эвакуацией колхозного хозяйства. Уйти далеко не успели, попали в окружение и возвратились назад в родные места. В своем селе не появились, боялись, вероятно, расправы, а остались в Берестовеньке. Там их кто-то выдал, они были арестованы. И вот этот самый Редько, их односельчанин, устроил самосуд. Сам лично расстрелял и Колесняка и Хмару. Отец этого Редько не смог вынести такого позора, и однажды на сходе крестьян объявил, что он и его жена отрекаются от такого сына, и со слезами на глазах стал на колени перед односельчанами. Младший брат предателя Антон, возвратившись с войны живым и невредимым, с боевыми наградами, не смог смотреть в глаза односельчанам, уехал из своего села.

И вот числа 16-17 мая 1943 года в село вступили передовые части Красной Армии. Это событие воодушевило народ. Красноармейцев встречали хлебом-солью. Солдаты в погонах (нам удивительно). Прошел передовой отряд и ушел дальше на запад. Вступают в село новые отряды бойцов.

На общественном дворе, возле здания конторы, выносят и устанавливают стол, стулья. Стол накрывается красной материей – полевой военкомат готов. Солдат направляют в крестьянские хаты приглашать мужчин, подлежащих военной службе, незамедлительно прибыть в этот военкомат с вещами. Все и местные, и «приймаки» не уклонялись от призыва. Идет призыв: фамилия, имя, отчество, год рождения. Внешний осмотр призывников – руки-ноги есть, значит, здоров, значит, призван на военную службу. Собрана группа человек 20 или чуть больше, впереди и сзади по красноармейцу – шагом марш на восток, к основным частям наступающих войск. Идут понуро будущие солдаты, за ними с криком и плачем бегут их жены. Проводили за село. Старший из красноармейцев просит женщин возвращаться домой, те останавливаются и долго машут руками. Мы, мальчишки, тут как тут. Кто-то провожает своего отца или близкого, кто-то решил просто поглазеть и порадоваться. Я относился к последним, радовался, что ушли наши паны и некому будет гнать меня на работу. Паны тоже мобилизованы. Сейчас не время было устанавливать, кто они, обсуждать их «трудовую деятельность». Не успели провожающие возвратиться домой, как через пару часов бегут через поля, сады и огороды их любимые, сообщая, что под Барвенково немцы замкнули кольцо, и красноармейцы, оставив мобилизованных, ушли на восток прорываться к своим. Мобили-

зованные разбежались по домам. В селе никого – ни немцев, ни красноармейцев.

В сентябре 1943 г. снова была восстановлена немецкая комендатура.

Опять началась оккупационная жизнь. Паны снова заняли свои должности и с раннего утра до позднего вечера управляют нами. Я тоже уже «полноценный» хозяин. У меня есть конь, я сам его за это время вырастил из маленького жеребенка. Работаю на полях общественного двора, заготавливаю корм на зиму, дрова, обрабатываю свой приусадебный участок, 0,47 га. Этот кусок земли при нормальном урожае с лихвой прокармливал нашу семью из четырех человек. Сеяли ячмень, хотя ячневый хлеб не так хорош, сеяли просо, собирали для пропитания картофель, огородину, кукурузу, подсолнечник на масло. Еле-еле сводили концы с концами, но не голодали. За рабский труд абсолютно нам ничего не платили и ничем не обеспечивали – давали план.

Наша солдатская семья из 4-х человек (мать и трое малолетних детей) обязана была сдать на содержание армии поработителей (не хочешь кормить свою армию, корми чужую) 700 литров молока, тем, у кого на дворе имеется корова, 500 шт. яиц, несмотря на то, что кур из твоего хозяйства уже забрали. Бери, где хочешь. За невыполнение – в каземат при полицейском управлении. В общем, должников не остается, план выполняется сполна. Но конец этим издевательствам уже близко.

Идет битва на Курской дуге. Сбрасываемые листовки сообщают о разгроме немцев, победоносном наступлении советских войск. Освобожден от фашистов и наш Харьков. Но та победа далась Красной Армии нелегко. Где-то за две недели до освобождения нашей местности через село на запад немцы гнали огромные колонны советских военнопленных, плененных совсем недавно. Бежавшие из плена солдаты и тайком потом пробравшиеся в село говорили, что они попали в плен в июле-августе того же победоносного 1943 года в боях на Курской дуге и под Харьковом, т.е. во время последнего наступления советских войск, которые потом без остановки гнали немцев до самого Днепра.

Хочу добрым словом вспомнить крестьян нашего села, а также ближних сел, оказывавшим огромную продовольственную поддержку военнопленным, нашим соотечественникам, нашим гражданам. Крестьяне несли всевозможные продукты питания советским воинам.

На околице села немцы устроили привал. Селяне пытались помочь пленным красноармейцам, кто чем может. Были свезены из сел огромные котлы вместительностью по 300-400 кг, вырыты для них ямы, доставлены дрова и продукты. Начиналась раздача этого варева. Варева, потому что в одном котле была и крупа, и свекла, и капуста, и все, что было принесено. У котлов стояли две шеренги конвоиров. Красноармейцы шли колонной по два человека, а женщины черпаками накладывали пищу. Клали пищу во все: в котелки, у кого они были, в пилотки, а кому и просто в полу шинели. Конвоиры подгоняли – быстрее, быстрее, били прикладами. Зрелище было страшное. Я, наблюдая это, плакал. Сейчас вспоминаю все, а слезы на гла-

зах. Я пишу это для вас, молодые и жизнерадостные, чтобы, прочитав это, призадумались и оценили, чего стоило нам, чтобы вам сейчас жилось хорошо и счастливо и, чтобы вы никогда не допустили подобной беды.

Еще вспоминаю, что в грузовых автомашинах, покрытых брезентом, привезли девушек-военнопленных. Их тоже покормили этой баландой. Отношение к ним со стороны obsługi и конвоя было более или менее человеческим. И еще о конвое. Он состоял из одного конвоира-немца и пяти власовцев – вчерашних красноармейцев, а сегодня – на службе у фашистов. Эти подонки были намного страшнее и свирепее немцев. Они нещадно били военнопленных прикладами, когда те подбегали за хлебом, который крестьяне бросали в толпу. И мне странно сейчас видеть, что когда эти предатели предстают перед суровым и справедливым судом за содеянные преступления, находятся такие, кто оправдывает их.

Но вот военнопленных угнали, наступила тишина. Через два-три дня стал слышен грохот орудийных залпов. На небольшой высоте, чуть не задевая крыши домов, пронеслись самолеты с красными звездами на фюзеляжах. В небе наблюдались воздушные бои.

Потянулись отступающие немецкие войска. Каких только соединений среди них не было! Вот кавалерия из казаков – здоровых мужчин, одетых в немецкую форму, в кубанки из немецкого сукна, из-под которых выглядывали заливчатские чубы, на чистых, гладких, ухоженных и послушных лошадях. Впрочем, казаки выглядели подобающе, почти, как у Шолохова. Вот проезжает какое-то соединение на огромных телегах, как оказалось, калмыки. Ни казаки, ни калмыки не грабили. Прошли власовцы. Выяснилось, что эти соединения участвовали в боях под Харьковом и им советские войска дали так, что они еле добежали сюда. Власовцы вели себя отвратительно по отношению к местному населению, грабили беспощадно, издевались над жителями села, девушек и женщин, не сумевших спрятаться, насиловали.

К колхозным амбарам, заполненным зерном урожая 1943 года (зерновые на этот период были обмолочены процентов на восемьдесят), подъехали грузовики, туда же согнали всех мужчин села грузить хлеб на машины. Зерно отправили на железнодорожную станцию Берестовенька. Наверное, его все же успели вывезти на запад, так как до освобождения села еще оставалось 3-4 дня.

По селу прокатился слух, что нас, жителей села, немцы будут эвакуировать. Куда эвакуировать, зачем, никто ничего не знал. Наши паны, глубоко затаив злобу на тех, кто с нетерпением ждет прихода советских войск, спрятались в своих дворах, не показываются. Полицаи усадили свои семьи в повозки, некоторые смелые женщины спрашивают, куда едете, отвечают – в Германию, и горько плачут. Уехали, но недалеко, через пару недель женщины с детьми возвратились в село, их мужья-полицаи побежали дальше. Возвратился только один, месяца три спустя, после освобождения нас советскими войсками. Получил 10 лет, отсидел, вернулся живой и здоровый и добросовестно потом трудился в колхозе.

В село въезжает верхом на лошадях группа немцев. Это эвакуаторы. Заскакивают в крестьянские дворы, кричат: «Плес эвакуант, шнель, шнель», бегут далее. Все укладывают свои пожитки на тачки, телеги, запрягают лошадей, коров – у кого что есть. У кого нет тягла – те впрягаются сами и в путь. Куда ехать, никто не знает. Все смотрят на деда Клима, он самый умный у нас в деревне. Дед выезжает, за ним тянется крестьянский обоз; он наш спаситель, все ему доверяли и доверяют, и он не подвел нас. Дед едет по центральной дороге, затем, проехав все село, поворачивает налево на полевою наезженную тропу. Под прикрытием лесозащитной полосы едем дальше. Он заводит нас в глубокую балку за селом, на сельском пастбище, в самом конце которой глубокий, метров 10 глубиной с отвесными краями, ров. Дед останавливается и объявляет, что дальше мы никуда не поедем.

Начали устраиваться на местожительство. В стенках оврага каждая семья роет себе жилище, размещает там детей, нехитрый скарб с повозок. Какое-никакое жилье, не под открытым небом. Костры разводить категорически запрещено, решение принято на общем сходе. Питаемся кто чем, всухомятку, ведь мы же готовились к эвакуации и позаботились о еде хотя бы на несколько суток. Там находились трое суток до нашего освобождения советскими войсками, которых ждали с нетерпением. Слышно было, как по большаку ехали машины, шли лошади и немецкие солдаты. Грохот рвавшихся снарядов, мин, пулеметные очереди было все слышнее. По ночам в небе постоянно гудели «кукурузники». Их не было видно, на них не было никакого освещения, но мы слышали, как они то здесь, то там сбрасывали мелкие бомбы, а то и гранаты. И вот откуда-то взялся верхом на лошади немец, притом один. Он объявил нам: «Текайте отсюда талеко-талеко, савтра сдесь путет советский зольдат». Сказал и уехал, наверно, следующих, таких же, как мы, предупредить, чтобы те бежали. Какие заботливые по отношению к нам наши оккупанты. Так и напрашивались, чтобы мы их поблагодарили за те злодеяния, которые они нам принесли за годы оккупации.

Ночь с 16 на 17 сентября. Снова в ночном небе «кукурузники», над нашим селом красное небо – это горят хаты, подожженные бежавшими фашистами, совершившими последнее свое злодеяние над нами – крестьянами села Крестище. Утром мы, несколько человек, пошли за водой в низинку к колодцу, благодаря которому жили. Возвращаемся в свой лагерь, а с горки к нам идут четыре советских солдата. Все они были с автоматами ППШ. Один из них, видимо, старший, поздравил нас с освобождением от фашистов и сказал, что это передовой отряд, т.е. дозор, а за ними идут наши регулярные войска. «Мы освободили вас и теперь уже навсегда». Конец нашей оккупации фашистами 17 сентября 1943 года. Мы распрощались, пожелав воинам счастливого пути и скорейшей победы над врагом.

Возвращаемся в село. По улицам идет масса бойцов – вперед на запад, а вокруг догорают наши хаты и колхозные амбары, подожженные бежавшими фашистами. Сожжены все колхозные постройки, маслобойня,

мельница. Сгорел наш дом. Было нам тяжело, стало еще хуже. Трое малолетних детей и больная мать без крова над головой. Сначала пустили пожить соседи – солдатская семья, а затем нам правление колхоза предоставило временное жилье – комнату в сохранившихся детских яслях. Отсюда пошел отсчет нашей новой нелегкой жизни.

Колхоз заработал как и прежде – по правилам, которые были и до оккупации. Я, четырнадцатилетний колхозник, работаю наравне со взрослыми.

В ноябре 1943 года возобновляет работу сельская школа. Я до оккупации окончил пять классов и решил продолжить учебу в шестом классе, но вдруг к нам приходит председатель колхоза и заявляет матери, что в этом году в школу не пойдет, а будет временно бригадиром в нашем колхозе. Так я в 14 лет стал руководить «дяденьками» и «тетеньками».

Проходила зима 1943-44 годов. К весне после многих посещений райисполкома, ходатайства правления колхоза, сельского совета мне райисполком дал разрешение на приобретение лесоматериала на постройку дома. С ранней весны я начал стройку. Отправляю бригаду по работам, все проверю, поднастрою нехитрый сельхозинвентарь, ведь кто им это сделает, работают-то на своих коровах почти одни женщины. Лошадей в колхозе нет, если не считать 4 или 5 выбракованных из армейского обоза. Урвав пару часов, готовлю все к постройке дома. Сам один пилю, тешу, строгаю, копаю ямы под столбы, готовлю тяжелые бревна-балки, стропила. Женщины, идущие на обеденный перерыв или по окончании работы, обязательно заходят ко мне на стройку, чтобы спросить, что помочь и помогают устанавить тяжелые заготовки на свои места в постройке.

От всей души благодарю их всех, спасибо им, уже ушедшим от нас навсегда. Я помню их лица, я помню их имена. Простите меня, у меня слезы на глазах.

Итак, с помощью районных властей, колхоза и колхозников дом построен, а это для нас главное – крыша над головой.

Ну, а чем живет село и односельчане? Главное то, что они твердо уверены: фашисты больше не вернуться. Красная Армия уверенно гнала поработителей на запад. С фронта приходили все новые и новые сообщения об освобождении территорий республик СССР, об освобождении наших городов, о ликвидации последствий фашистской оккупации нашей земли.

После войны почти 33 года прослужил в ВМФ СССР.

Работал старшим мастером ВЦ ДонНУ.

Награжден медалями: «Городу-герою слава», «За безупречную воинскую службу» 3, 2, 1 степеней, «За воинскую доблесть», «Захиснику Вітчизни».

ТИМОШКИН ТИМОФЕЙ ТИХОНОВИЧ

Родился 25 февраля 1931 года в селе
Соловачева Ухоловского района
Рязанской области в
семье крестьян.

Незабываемое время жизни

Сегодня, когда после окончания Великой Отечественной войны прошло более 60 лет, мы, тогдашние мальчишки и девчонки, которым было 10-11 лет, помним эти годы, знаем им цену. Путь к миру, в котором мы живем, был дол-

гим и трудным, он отнял свыше двадцати миллионов жизней советских людей. Четыре долгих года войны советские люди с глубокой верой и надеждой ждали Победу. Все эти годы и мал, и стар, находясь на оккупированной территории, помогали, как могли, приближать этот день, все люди верили в победу. Мы, хотя и были детьми, верили, что наступит долгожданный момент, и старались, чем могли, помочь Красной Армии быстрее разгромить врага. Мы вместе со взрослыми рыли заградительные противотанковые рвы и, хотя эта работа была тяжкая, мы, в меру своих сил, старались не отставать от взрослых, часто подменяли своих родителей, были их первыми помощниками.

Все было направлено на то, чтобы выжить в этих трудных условиях. Приходилось ходить по полям собирать мерзлую картошку, кукурузу, буряк и из них готовить пищу для своей семьи. И все это время мы не уставали ждать прихода нашей Красной Армии. Когда в сентябре 1943 года наша область была освобождена от фашистов, мы, дети, первыми встречали армейских разведчиков, давали им сведения, где остались фашисты. Это были незабываемые дни.

Помню, как в один из дней, когда уже наши разведчики появились, чтобы выяснить обстановку, в наш дом зашел весь измученный командир Красной Армии. Он бежал из лагеря и просил где-нибудь его спрятать от немцев, которые вскоре появились. Я помню, что сказал ему, чтобы быстрее бежал в кукурузное поле, т.к. туда немцы боялись заходить. Когда пришли враги, то начали на нас кричать, допрашивать, где беглец, они преследовали его. Мы сказали, что никого здесь не было. Фашисты обыскали дворы, погреба, где прятались наши семьи, но, конечно, никого не нашли. Так был спасен наш солдат. Таких примеров тогда было много.

После освобождения нашей области от немцев, мы собирали теплые вещи, рукавицы, свитера и отсылали все на фронт нашим солдатам. Одно-

временно работали вместе с родителями в совхозе. Тогда всем хватало работы. Каждый человек приносил пользу – все для фронта, все для победы. Механизмов в совхозе не было, приходилось урожай собирать вручную – кукурузу, подсолнух, свеклу, картофель, овощи, фрукты.

В то время мы были первыми помощниками у взрослых. И вот эта трудовая закалка тех лет положительно сказалась на всей последующей жизни.

Наше поколение, закаленное военным лихолетьем, стало примером во всем: в учебе, работе, в жизни для последующих поколений.

Мы всегда гордились тем, что стали студентами, старались хорошо учиться, а затем и работать на производстве.

Сейчас мне уже 78 лет. За плечами 54 года трудовой деятельности: 28 лет работы в комсомоле, партийных советских органах (прошел путь от инструктора райкома партии до инструктора ЦК КП Украины). В настоящее время продолжаю трудиться в учебно-спортивном комплексе ДонНУ. Председатель профбюро этого подразделения, член профкома университета. Своим примером и на лучших традициях нашего народа стараюсь воспитывать современную молодежь.

ОБОЛОНИК ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

Родился 18 июля 1932 года в селе Алтыновка Кролевецкого района Сумской области в многодетной крестьянской семье.

Я помню всех своих односельчан, погибших и не вернувшихся с войны.

До войны закончил 2 класса средней школы с. Алтыновка.

С осени 1941г. по осень 1943 г. село было оккупировано немцами. Во время оккупации действия немцев и

полицаев (некоторых местных жителей, ставших прислужниками у немцев) сводились к тому, что людей, которые занимали до войны ответственные посты, преследовали и уничтожали.

Дети во время войны посещали школу. Обучение было до 4 класса. Учителя были свои и учились по учебникам, которые были у населения. Но в книгах были вырваны страницы, посвященные Советской Родине, где описывалась жизнь советских людей, рассказывалось о вождях.

Колхозное имущество с приходом немцем было разделено между людьми. На 10 хат приходилось – 6 коней, плуг, воз, рабочий инвентарь и земля. В поле работали в основном женщины, старики и дети. Собранный урожай немцы забирали себе. Люди же кормились со своих огородов, которые были возле хат. Коней летом пасли глубоко в лесу, чтобы их не смогли забрать немецкие и мадьярские передвижные войска.

Я хорошо помню своих односельчан, которых немцы угнали в Германию. Оккупанты сгоняли людей, затем машинами отправляли на железнодорожную станцию. Рыдающие и плачущие, они запомнились мне навсегда. Вначале угоняли молодежь в возрасте 16-18 лет, а затем и людей постарше. Тогда меня потряс случай с военнопленным. Пленных солдат в нашем селе было много. Они сидели в загонах конюшен. Немцы их не кормили. Им приносили пищу местные женщины и мы – дети. В одном из загон был военнопленный из соседнего села. Этот солдат смог передать записку родным. На следующий день его жена пришла в Алтыновку. Когда она подходила к загону, ее увидел муж и пошел навстречу через толпу. Немец-охранник начал орать, чтобы тот не приближался к забору загона, но парню оставалось всего несколько шагов, чтобы протянуть руки жене...

Выстрел. Пуля попала в голову – он упал замертво, жена потеряла сознание.

После отступления немцев осенью 1943 года жители села снова орга-

низовали колхоз и на земле трудились все селяне и малолетние дети. Мне пришлось работать водовозом, на конных граблях, на молотилке, пахать, удобрять землю, пасти лошадей...

Все с нетерпением ждали окончания войны.

Известие об окончании войны в мае 1945 г. пришло в село, когда я был в поле, пас лошадей. Возвращаюсь в село, а мама со слезами радости на глазах рассказала, что наконец-то кончилась война. И в этот же день в церкви отслужили службу по убиенным односельчанам.

После войны моя жизнь сложилась таким образом: продолжил учебу в школе до 1948 г. В 1948 г. поступил в железнодорожное училище г. Конотопа Сумской области по специальности «слесарь по ремонту паровозов». После его окончания работал на Конотопском паровозоремонтном заводе.

В 1952 г. был призван на службу в ряды Советской Армии. В армии я закончил авиационное училище. Далее служил авиационным механиком. Демобилизовался в 1956 году. После армии мне пришлось поработать на разных профессиях.

В 1960 г. по направлению заготконторы г. Кролевец снова пришлось учиться, теперь уже в торгово-кооперативном училище. После окончания училища работал инструктором заготконторы.

С 1966 года и до выхода на пенсию в 2005 г. работал плотником и лаборантом в Донецком национальном университете, по настоящее время являюсь членом профсоюза ДонНУ.

За многолетний и добросовестный труд неоднократно награждался Грамотами от руководства университета. Имею Грамоты от Министерства образования и науки Украины.

Награжден медалями: «За трудовое отличие», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
КУРДЮМОВА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА.....	7
ЦЫГАНЕНКО ГАЛИНА ПАВЛОВНА.....	10
ФЕЛЬДБЕРГ КЛАВДИЯ АНТОНОВНА.....	14
УСОВА ЗИНАИДА ВАСИЛЬЕВНА.....	15
ПИСАРЕВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА.....	18
СЛЮСАРЕВСКАЯ ЕЛЕНА ИВАНОВНА.....	21
ЛИХОЛОБОВА ЗОЯ ГРИГОРЬЕВНА.....	24
ИГНАТЕНКО ПЕТР ИВАНОВИЧ.....	28
ПЕВНЫЙ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.....	29
ЦВАНГ АРКАДИЙ РУВИНОВИЧ.....	31
ФЕДОТОВА ОЛЬГА КСЕНОФОНТОВНА.....	34
СИЛЬЧЕНКО ЛИДИЯ КУЗЬМИНИЧНА.....	36
ПАРШИКОВ АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВИЧ.....	39
СИНЕЛЬЩИКОВА ЗОЯ ИЛЬИНИЧНА.....	42
СЕРЕДИН ВАЛЕНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ.....	44
ЦАПОВИЧ ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВНА.....	46
КОШКА ВАЛЕНТИНА АНДРЕЕВНА.....	47
ТОДОРОВА НАДЕЖДА АФАНАСЬЕВНА.....	51
КОБЗИЙ НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.....	53
МАМБЕРГЕР ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА.....	55
САВЕНКО КЛАВДИЯ ФЕДОРОВНА.....	56
НИКИТИНА ВЕРА ИВАНОВНА.....	57
БЕРЕСНЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА.....	58
АЛЕКСЕЕВ ВЯЧЕСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ.....	59
ШПАКОВСКАЯ ГАЛИНА АНДРЕЕВНА.....	60
ЗЕЛИНСКАЯ ЕКАТЕРИНА ТИХОНОВНА.....	62
ДЯКОВ ГЕОРГИЙ АБРАМОВИЧ.....	63
ЛЕФТЕРЕНКО ВАЛЕНТИНА ФЕДОРОВНА.....	64
КРЕТОВ ВИКТОР СЕМЕНОВИЧ.....	67
РЕВА НАДЕЖДА НИКИФОРОВНА.....	68
ЗАБЛОЦКИЙ АРСЕН ЯКОВЛЕВИЧ.....	70
ЧИБАРЬ МАРИЯ АРХИПОВНА.....	73
МИХЕЕВА ТАТЬЯНА СТЕФАНОВНА.....	74
КИРИЛЛОВА НАТАЛЬЯ СТЕПАНОВНА.....	75
МОСКАЛЮК МАРИЯ ДЕНИСОВНА.....	76
ДЕБЕЛЫЙ АНАТОЛИЙ ЕВГРАФОВИЧ.....	77
ТИМОШКИН ТИМОФЕЙ ТИХОНОВИЧ.....	85
ОБОЛОНИК ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ.....	87

Науково-популярне видання

ПАМ'ЯТЬ

Спогади учасників
Великої Вітчизняної війни
1941–1945 роки

ТОМ 2

Російською мовою

Комп'ютерна верстка *С. О. Медведкін*
Технічний редактор *Ю. М. Федюшкіна*

Підписано до друку 28.04.2009 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Newton». Друк — лазерний.
Ум.-друк. арк. 6,16. Обл.-вид. арк. 5,85.
Наклад 120 прим. Зам. № 051.

Видавництво та друк ТОВ «Юго-Восток, Лтд».
83055, Донецьк, вул. Щорса, 17.
Тел./факс: (062) 305-50-13; e-mail: vostok1@dc.dn.ua; vostok@skif.net
Свідоцтво про держреєстрацію:
серія ДК №1224 від 10.02.2003 р.